Б26 6/158

δ 26 b/58

КЪ ВОПРОСУ
О
„ЕДИНООБРАЗІИ“
ВЪ
ОРѲОГРАФІИ
ПО ПОВОДУ
АКАДЕМИЧЕСКАГО РУКОВОДСТВА
„РУССКОЕ ПРАВОПИСАНІЕ“.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

Владиміра Шереметевскаго.

МОСКВА.
1891.

КЪ ВОПРОСУ
О
„ЕДИНООБРАЗІИ“
ВЪ
ОРѲОГРАФІИ
ПО ПОВОДУ
АКАДЕМИЧЕСКАГО РУКОВОДСТВА
„РУССКОЕ ПРАВОПИСАНІЕ“.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

преподавателя педагогики и методики русскаго языка

Владиміра Шереметевскаго.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстн. бульв.
1891.

Приложеніе къ **РѢЧИ** и **ОТЧЕТУ** читаннымъ 27 февраля 1891 г. въ торжественномъ собраніи Московской Частной Женской Гимназіи, учрежденной **З. Д. Перепелкиной.**

Гос. Истор. Научн. Б-ка
Инвент. № 29299
„14/X 1936 г.

Дозволено цензурою. Москва, февраля 5 дня 1891 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Предлагаемый вниманію читателей (по всей вѣроятности, весьма немногихъ) педагогическій этюдъ объ орѳографіи есть плодъ наблюденій, не особенно отрадныхъ, размышленій, довольно печальныхъ, и мечтаній, едва ли не безплодныхъ. Орѳографія въ современномъ ея видѣ имѣетъ не столько научное, сколько практическое значеніе и прежде всего для школы. Не смотря на то, что Академическое руководство заключаетъ въ себѣ полное собраніе законовъ современной орѳографіи, не смотря на то, что мѣстами на страницахъ его встрѣчаются немногія частныя измѣненія сравнительно съ обычнымъ письмомъ; тѣмъ не менѣе позволительно считать это руководство далеко ещо не послѣднимъ словомъ, а русское правописаніе ещо не окончательно установившимся, а потому и допускающимъ дальнѣйшія измѣненія изключительно въ смыслѣ упрощеній и притомъ ради школы. Отсюда нашъ этюдъ представляетъ двѣ стороны. Съ одной онъ является чѣмъ-то въ родѣ критической оцѣнки, впрочемъ крайне неполной и ужъ вовсе несистематичной, оцѣнки не столько Академическаго руководства, сколько одной изъ трехъ основъ того правописанія, которому руководство служитъ самымъ полнымъ выразителемъ, той именно основы, по которой всякій обычай, разъ онъ вошолъ въ силу, безразлично признается законнымъ и которую, въ отличіе отъ другихъ двухъ основъ: этимологической и фонетической, можно назвать традиціонной въ тѣсномъ смыслѣ. Съ другой стороны нашъ этюдъ представляетъ проэктъ измѣненій, проэктъ очень скромный,

далеко не охватывающій всей области орѳографіи, нисколько не затрогивающій ея главныхъ устоевъ, а касающійся на первый разъ въ видѣ опыта лишь нѣсколькихъ частныхъ случаевъ. Этотъ проэктъ—ни болѣе ни менѣе, какъ легкая рекогносцировка въ область, во многихъ своихъ частяхъ невполнѣ соотвѣтствующую истинной цѣли обученія, а потому до извѣстной степени этой цѣли враждебную; этотъ проэктъ есть въ тоже время и первая аттака нѣсколькихъ позицій, слабыхъ по отсутствію какихъ-либо не только научныхъ, но даже практическихъ основаній, но достаточно сильныхъ для того, чтобы тормозить и безъ того нелегкое дѣло усвоенія большинствомъ учащихся грамотнаго письма. Эта аттака ведется мѣстами нѣсколько, можетъ быть, запальчиво, вслѣдствіе чего самое изложеніе страдаетъ непослѣдовательностью, отрывочностью и повтореніями; во всякомъ случаѣ эта единоличная попытка имѣетъ въ виду лишь возбудить вопросъ о необходимости тѣхъ или другихъ упрощеній въ русской орѳографіи и на нѣсколькихъ образчикахъ наглядно показать возможность такихъ упрощеній. Разсмотрѣніе же всѣхъ желательныхъ и возможныхъ измѣненій не подъ силу одному лицу: для этого требуется дружная коллективная работа нѣсколькихъ спеціалистовъ практиковъ, близко стоящихъ къ дѣлу обученія.—Словомъ, если мы и позволили себѣ критически отнестись къ нѣкоторымъ пунктамъ Академическаго руководства, если мы рѣшились даже предложить измѣненія, сравнительно съ консерватизмомъ этого руководства, нѣсколько радикальныя, то лишь въ предѣлахъ той компетенціи, на которую, смѣемъ думать, даетъ нѣкоторое право тридцатидвухлѣтняя дѣятельность учителя русскаго языка и словесности: передъ глазами нашими, теперь уже утратившими болѣе двухъ третей зрѣнія, продефилировало столько разнообразныхъ орѳографическихъ погрѣшностей и столько разнообразныхъ субъектовъ учащихся, совершившихъ это безчисленное множество погрѣшностей, учащихся разныхъ возрастовъ, различныхъ заведеній: мужскихъ и женскихъ, классическихъ и реальныхъ, гражданскихъ и военныхъ, что къ необходимости

упрощенія, мало уважительной, можетъ быть, съ точки зрѣнія высшихъ представителей филологической науки, мы пришли путемъ долгаго опыта, нашего общаго и учащихъ и учащихся горькаго учителя.

Пока ограничиваемся этимъ скромнымъ проэктомъ (отчасти и опытомъ); но, если позволитъ зрѣніе, мы намѣрены въ особомъ выпускѣ, посвященномъ вопросу о наглядномъ способѣ элементарнаго обученія правописанію, представить 1) критическій обзоръ имѣющихся въ русской учебной литературѣ руководствъ и пособій съ этимъ направленіемъ, 2) краткое методическое изложеніе того наглядnаго способа, который мы считаемъ наиболѣе удобнымъ. Впрочемъ la critique est aisée, mais l'art est difficile: не трудно указать и въ самой орѳографіи, мнящей себя непогрѣшимою, слабыя по существу пункты, а въ такихъ пособіяхъ по орѳографіи, какъ «Нѣмые (sic!) диктанты» и «Зрительные (sic!) диктанты» всю ихъ несообразность съ тою цѣлію, которую они сами же поставили себѣ; но трудно, очень трудно убѣдить, и что особенно прискорбно, самихъ спеціалистовъ въ очевидной несостоятельности тѣхъ или другихъ пунктовъ орѳографическаго кодекса (такова сила инерціи всѣхъ нашихъ привычекъ!); еще труднѣе, а главное безполезнѣе пытаться провести въ школьный міръ, въ практику обученія тѣ немногія упрощенія, на которыя невольно наводитъ самая непослѣдовательность и сбивчивость извѣстныхъ орѳографическихъ правилъ. Попробуйте въ вашемъ краткомъ методическомъ руководствѣ сдѣлать покушеніе хотя бы на такую невинную отмѣну, какъ упраздненіе начертанія *міръ* (вселенная), и ваше руководство изъза одной этой отмѣны не найдетъ ни оффиціальнаго одобренія, ни сочувствія среди большинства вашихъ собратьевъ по профессіи. Какъ ни соблазнителенъ примѣръ Академическаго руководства, упразднившаго *і* (съ точкой) въ имени *Владиміръ*; но этотъ примѣръ школьному учителю, даже умудренному долголѣтнимъ опытомъ, даже готовому сломить свою еще болѣе долголѣтнюю привычку и писать впредь свое собственное имя поакадемически: *Владимиръ* (безъ і съ точкой),

не даетъ еще права пошатнуть основу *міра*, изъявши изъ него і съ точкой. Нечего и говорить о болѣе преступномъ покушеніи на отмѣну той, хотя и ничѣмъ не заслуженной привиллегіи, которою пользуются изъ числа тридцати слишкомъ предлоговъ только четыре ихъ собрата: *воз*, *из*, *низ*, *раз* и по которой они въ извѣстныхъ случаяхъ являются уродливо замаскированными въ видѣ начертаній *вос*, *ис*, *нис*, *рас*..... Въ заключеніе напомнимъ о томъ, что̀ такъ часто забывается; напомнимъ о томъ, что *орѳографія существуетъ для малыхъ сихъ, а не малыя сіи для орѳографіи* и что, если это положеніе справедливо, то рано или поздно, такъ или иначе орѳографія будетъ упрощена въ интересахъ школы, а слѣдовательно и цивилизаціи.

30 ноября 1890

В. Ш.

КЪ ВОПРОСУ

ОБЪ ОДНООБРАЗІИ ВЪ ОРѲОГРАФІИ

(проэктъ и опытъ нѣкоторыхъ упрощеній ради школы).

Что просто, то и прочно; а что прочно, то и однообразно.

(Изъ „Vade mecum“ стараго учителя).

Оглядываясь на прошедшее, нужно заглядывать и въ будущее.

(Оттуда-же).

«Такъ какъ успѣхъ всякаго знанія и умѣнья зависитъ прежде всего отъ степени совершенства самаго предмета обученія, то является необходимость въ тщательномъ пересмотрѣ нынѣ дѣйствующихъ орѳографическихъ правилъ съ цѣлію ихъ сокращенія и упрощенія, а также и еще болѣе настоятельная нужда въ точномъ разпредѣленіи по элементарнымъ классамъ постепеннаго усвоенія необходимѣйшихъ правилъ и въ точномъ обозначеніи степени грамотности большинства учащихся въ каждомъ изъ элементарныхъ классовъ для перевода въ слѣдующій, причемъ должно условиться, какія именно ошибки признавать за грубыя».

Таковъ былъ послѣдній изъ семи тезисовъ, которые тому назадъ семь лѣтъ приложены были къ нашему реферату *Объ орѳографіи вообще и о письмѣ подъ диктовку, какъ упражненіи элементарномъ, въ особенности* *).

*) Читанъ былъ въ засѣданіи Учебнаго отдѣла Московскаго Общ. распростр. техническихъ знаній 22 янв. 1883; въ слѣд. 1884 г. онъ былъ напечатанъ въ приложеніи къ годичному отчету Моск. женской гимназіи, учрежденной З. Д. Перепелкиной и въ маломъ числѣ отдѣльныхъ оттисковъ.

Согласно съ этимъ тезисомъ о *сокращеніи* и *упрощеніи* орѳографическихъ правилъ и въ надеждѣ придти къ какимъ-либо практическимъ результатамъ, мы, въ заключеніе самаго реферата, обратились къ собратьямъ по профессіи съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Господа учителя русскаго языка, постарайтесь прежде всего сами облегчить себя въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ такое облегченіе возможно при дружныхъ товарищескихъ усиліяхъ! Постарайтесь придти къ возможному соглашенію ради объединенія и упрощенія орѳографіи; такихъ случаевъ, вполнѣ допускающихъ соглашеніе, найдется довольно. Разъ состоится соглашеніе, и намъ и нашимъ ученикамъ будетъ легче. Вѣдь орѳографическая повинность самая тяжелая для большинства учащихся школьная повинность. Если для насъ, учителей русскаго языка, вопросъ о непосильныхъ занятіяхъ въ школѣ вообще вопросъ серьезный, а не праздный, служащій лишь предметомъ минутнаго педагогическаго развлеченія въ часы субботняго досуга, то приложимъ же стараніе къ практическому осуществленію вопроса о водвореніи въ школѣ работы серьезной и образовательной, каковою можетъ быть только посильная для большинства работа; приложимъ искреннее стараніе въ той именно области, въ которой мы можемъ по праву считать себя хозяевами, настолько полными, насколько мы будемъ солидарны съ возможно большимъ числомъ своихъ собратій по искусству, въ данномъ случаѣ искусству орѳографическому. Начать же работу, по моему мнѣнію, нужно съ тщательнаго пересмотра школьнаго орѳографическаго кодекса, взявши за точку отправленія V главу 2-го тома Фил. Раз. акад. Грота: Критическій обзоръ современнаго правописанія. Пусть составится небольшой кружокъ изъ 5, 6 свѣдущихъ людей и ohne Hast ohne Rast поработаетъ годъ, два, затѣмъ свой проэктъ, какъ результатъ своихъ работъ, скрѣпленный подписями возможно большаго числа преподавателей русскаго языка, представитъ на усмотрѣніе II отд. Имп. Акад. Наукъ.— Если заявленіе одного лица (преподавателя Новаковскаго) по тому же вопросу было принято во вниманіе Академіей и

было поводомъ къ составленію «настольной» книги для каждаго преподавателя русскаго языка, книги Грота о правописаніи (Филолог. Разыск. т. II.), то коллективный проектъ за подписью десятка, другаго преподавателей, можно надѣяться, не будетъ обойденъ вниманіемъ».

Правда, надежда на сочувствіе этому воззванію была слабая; но такого равнодушія во всякомъ случаѣ я не ожидалъ, равнодушія, которое, между прочимъ, очень наглядно выразилось въ мнѣніи одного изъ спеціалистовъ, человѣка уже почтенныхъ лѣтъ, высказанномъ прямо въ упоръ тономъ безповоротнаго рѣшенія: «вашъ рефератъ очень интересенъ, прекрасно былъ прочитанъ; что же до вашего проэкта, то это напрасный трудъ, мы во всякомъ случаѣ не согласимся». Со стороны же другихъ изъ числа спеціалистовъ отвѣтомъ на призывъ было одно упорное молчаніе (профаны, само собою разумѣется, не издали ни звука).....

Но вотъ ровно черезъ годъ послѣ выхода моей брошюрки объ орѳографіи, въ области той же орѳографіи совершилось событіе, событіе, въ которомъ многіе увидѣли зарю новой эры: появилось «Русское правописаніе», руководство, составленное по порученію 2-го отд. Императорской Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. И снова встрепенулась въ сердцѣ надежда и на этотъ разъ, конечно, болѣе сильная: если мы, чернорабочіе, подъ бременемъ неустанной поденной учительской работы, не всегда можемъ оказаться на высотѣ своего призванія, то высшее ученое учрежденіе, разъ оно снизошло до вниманія къ нашей немощи, своимъ руководствомъ сразу поставитъ на истинный путь и самое правописаніе и обученіе ему и такимъ образомъ облегчитъ и насъ учителей, и нашихъ учениковъ. Но «кроткая посланница небесъ» лишь на короткое время озарила радостію наше сердце. Первыя же строки предисловія: «настоящее краткое руководство имѣетъ цѣлію удовлетворить *сознаваемую всѣми* потребность привести русское правописаніе къ *желательному единообразію*» — вызвали невольно цѣлый рядъ недоумѣній. Кто же эти *всѣ*, желающіе и притомъ *сознательно* едино-

образія въ правописаніи, если знать всѣ случаи разнообразія и сознавать въ силу тѣхъ или другихъ серьезныхъ соображеній потребность приведенія его къ единству могутъ лишь немногія спеціалисты? Что именно, теперь на исходѣ XIX столѣтія, заставило опять же всѣхъ особенно сильно почувствовать эту потребность: новыя ли филологическія разысканія, требованія ли печати и публики или наконецъ заслуживающія прежде всего вниманія нужды учащихся, на которыхъ особенно тягостно отзываются всякая неустойчивость, противорѣчія и разногласія? Если допустить, что прежде всего, дѣйствительно, имѣлись въ виду нужды учащихся, то неужели же разногласія въ правописаніи достигли за послѣднее время такихъ размѣровъ, что Академія поспѣшила придти на помощь школѣ не съ руководствомъ по грамматикѣ (какъ будто въ ея теоріи царитъ уже полнѣйшее единообразіе), не съ словаремъ корнесловнымъ (какъ будто для сколько-нибудь основательнаго изученія роднаго языка вполнѣ достаточно одной единообразной орѳографіи), а съ руководствомъ именно по правописанію (какъ будто оно самостоятельный учебный предметъ, а не прикладная часть грамматики и словаря)? Далѣе—какое же такое идеальное поголовное единообразіе имѣетъ въ виду Академическое руководство, если на самомъ дѣлѣ и прежде было и теперь существуетъ относительное единообразіе, по которому люди, стоящія на одной и той же ступени общаго и словеснаго образованія, пишутъ настолько однообразно, что случаи разнообразія (число ихъ тѣмъ меньше, чѣмъ выше ступень образованія) не представляютъ и тѣни того практическаго неудобства, какое дѣйствительно всѣми испытывается наприм. отъ крайне разнообразныхъ по отношенію къ четкости почерковъ? — Если Академическое руководство имѣло въ виду не практическую, а научную сторону правописанія, то спрашивается: возможно ли въ настоящее время строго-научное правописаніе, когда самый вопросъ о томъ, какое письмо должно быть признано болѣе раціональнымъ: этимологическое или фонетическое или среднее между ними, является открытымъ, когда въ нынѣ дѣйствующей ор-

ѳографіѣ границы вліянія этимологіи и фонетики на способъ начертанія словъ такъ неопредѣленны, уступки со стороны этимологіи въ пользу фонетики такъ непослѣдовательны, что безъ рѣшенія вышеуказаннаго кореннаго вопроса едва-ли устранимы подобная неопредѣленность и непослѣдовательность?—Таковы были недоумѣнія, вызванныя началомъ предисловія. Внимательное изученіе самаго руководства подтвердило основательность этихъ недоумѣній и окончательно разрушило свѣтлыя надежды на возможность упрощенія правописанія ради облегченія усвоенія его учащимися. Руководство ни словомъ не обмолвилось о томъ, что оно допускаетъ законность и возможность такой реальной задачи, какъ упрощеніе; преслѣдуя же свое идеальное единообразіе, оно въ концѣ концовъ нисколько не устранило того, чѣмъ обусловливается разнообразіе, ибо оно оставило орѳографію statu quo, держащуюся, какъ и прежде, на тѣхъ же трехъ основаніяхъ, своего рода трехъ китахъ. Первое основаніе—этимологическое, мертвое для большинства пишущихъ, второе—фонетическое, живое и особенно вліятельное для большинства, наконецъ третье—традиціонное, чисто условное, не имѣющее ничего общаго съ первыми двумя (наприм. употребленіе прописныхъ буквъ, буквы *і* передъ гласными и т. п.). Хотя въ Руководствѣ прямо заявляется, что въ русскомъ письмѣ преобладаетъ этимологическій характеръ (стр. 19 и 21 *), однако въ спорныхъ случаяхъ часто отдается преимущество фонетическому основанію (такъ, относительно приставокъ *воз*, *из*, *низ*, *раз*, вопреки Востокову и Буслаеву, допускается болѣе широкая уступка произношенію стр. 46—47, въ начертаніи *склянка* вм. *стклянка* и др.) или традиціонному (напримѣръ: двѣсти вмѣсто двѣстѣ) или наконецъ, совсѣмъ уже непонятному, какому-то *практическому* (см. Справочный указатель стр. XVIII, при словѣ *миръ*). Словомъ, тяготѣнія къ одному изъ трехъ основаній, именно къ главному, этимологическому въ этихъ случаяхъ не замѣчается и такимъ обра-

*) Цитаты приводятся по 5-му изд. 1886.

зомъ возможность единообразія въ тріединой орѳографіи является болѣе чѣмъ сомнительною; благодаря же частнымъ мелочнымъ нововведеніямъ (*Овдотья*, *Остафій*, *Владимиръ*, *вядчина*, *колачъ*, *сертукъ*, *склянка* и т. п.) или возстановленію стараго начертанія, господствовавшаго въ 30-хъ и 40-хъ годахъ (напр. прилагат. м. р. ед. ч. р. п. *святого*, *золотого*, *молодого* и т. д.) вмѣсто единообразія возникло двоеобразіе т. е. *орѳографія* и *гротографія* (ради краткости вм. академическое правописаніе). Само руководство служитъ тому доказательствомъ, ибо въ Справочномъ указателѣ въ 121 случаѣ рядомъ *съ предлагаемымъ* начертаніемъ ставится въ скобкахъ *допускаемое*. Если прибавить, что съ каждымъ новымъ изданіемъ (ихъ, если не ошибаемся, было шесть въ теченіе первыхъ $1^1/_2$ лѣтъ) дѣлались нѣкоторыя перемѣны и дополненія, а между тѣмъ по нѣкоторымъ учебнымъ вѣдомствамъ тотчасъ послѣ появленія перваго было уже сдѣлано разпоряженіе о введеніи академическаго правописанія (мѣра, сколько намъ извѣстно, небывалая), то Академическое руководство, не внося ничего существенно новаго и особенно прочнаго, не облегчило, а затруднило дѣло обученія правописанію: учителю необходимо держать въ головѣ заразъ и орѳографію и гротографію (послѣдняя была обязательна для младшаго возраста, но не для старшаго, который свыкся уже съ первою). Если бы Академическое руководство поставило себѣ задачею упрощеніе правописанія и если бы для этого отдало рѣшительное предпочтеніе наиболѣе прочному основанію, этимологическому, то этимъ самымъ оно бы достигло и единообразія, конечно, не идеальнаго, а возможнаго постольку, поскольку то бываетъ болѣе прочнымъ, что болѣе общедоступно, болѣе же общедоступно то, что болѣе просто. Упрощеніе потребуетъ, конечно, если и не радикальныхъ, то во всякомъ случаѣ болѣе рѣшительныхъ и болѣе широкихъ мѣръ, чѣмъ тѣ какъ бы случайныя, спорадическія, не влекущія за собою ощутительныхъ послѣдствій перемѣны въ начертаніяхъ немногихъ отдѣльныхъ словъ, перемѣны, образчики которыхъ представляетъ Академическое руководство.

Упрощеніе должно коснуться прежде всего тѣхъ именно случаевъ, которыя можно признать за совершенно ненужный балластъ по ихъ противорѣчію съ основнымъ складомъ русскаго письма или по ихъ искусственному, условному характеру. Но упрощенія, болѣе или менѣе рѣшительныя, а слѣдовательно облегчающія и водвореніе большаго единообразія и возможность болѣе успѣшнаго усвоенія орѳографіи, возможны лишь при условіи нѣкоторой жертвы со стороны реформаторовъ: имъ придется подавлять навыки собственнаго зрѣнія, какъ бы ни возмущалось оно упрощеннымъ начертаніемъ; ибо это начертаніе нужно и полезно для обучающихся, а не для обучившихся. Какъ ни поздно и какъ ни трудно было бы, наприм. мнѣ, Владиміру (съ точкой) Шереметевскому, послѣ 49-лѣтней практики привыкать къ Владимиру (безъ точки), но ради своихъ учениковъ я сдѣлалъ бы усиліе надъ собой для того, чтобы писать по-новому, если бы для этого новаго было принято основаніе, но не то, которое предлагается Академическимъ руководствомъ, а другое, болѣе простое, о которомъ будетъ сказано далѣе, въ своемъ мѣстѣ.

Чтобы наглядно показать, что орѳографическія упрощенія, какія имѣются въ виду мною, и законны, и возможны, я представлю нѣсколько образчиковъ упрощеній, предупреждая, что этими четырьмя, пятью образчиками не исчерпывается вся желательная для интересовъ школы реформа. Начну съ крайне поучительнаго и особенно вопіющаго если не къ небу, то къ высшимъ представителямъ филологической науки, случая. Разумѣю я то пресловутое правило, которое раздѣляетъ и учебники и учителей на два лагеря, настолько враждебныя, что до сихъ поръ соглашеніе оказывается невозможнымъ; это своего рода гордіевъ узелъ, который можно разсѣчь очень скоро и просто только упраздненіемъ сего неправильнаго правила. Оно неправильно не только по существу, но и по той формулѣ, въ которой оно фигурируетъ на страницахъ всѣхъ учебниковъ какъ того, такъ и другаго лагеря. Предлоги *воз*, *из*, *низ*, *раз* передъ *к*, *п*, *т*, и *х* (такъ гласитъ эта формула въ

учебникахъ болѣе воздержныхъ) и передъ ц, ч, ш, и щ (прибавляютъ менѣе воздержныя) измѣняютъ *з* на *с*. Въ Академическомъ руководствѣ откровенно и вѣрно говорится: «эти предлоги пишутъ по произношенію т. е. въ этихъ предлогахъ *з* не пишутъ, когда оно не слышится?» Но и Академическое руководство наравнѣ съ обыкновенными учебниками также упоминаетъ о томъ, что предлоги *без* и *чрез* изключаются изъ этого правила (стр. 46—47). Но какъ само правило неправильно, такъ и изключеніе изъ него не имѣетъ никакого основанія: въ самомъ дѣлѣ изъ всего числа предлоговъ (30 слишкомъ) совершенно случайно удостоились особой привиллегіи писаться отлично отъ большинства своихъ собратій предлоги оканчивающіяся на *з;* ихъ всего шесть *без, воз, из, низ, раз, чрез;* дана же привиллегія только четыремъ изъ нихъ (и даже только тремъ сначала, какъ увидимъ ниже), но спрашивается: чѣмъ же хуже *без* и *чрез*? Исторія возникновенія этого неправильнаго правила весьма характерна, потому что проливаетъ свѣтъ на произхожденіе всего, что есть случайнаго и произвольнаго, условнаго и искусственнаго въ орѳографіѣ вообще. Къ сожалѣнію, Академическое руководство ограничилось только словами: «*издревле* допущено исключеніе» (т. е. предлоговъ воз, из, низ, раз изъ числа всѣхъ другихъ) «которое *отчасти* соблюдается и нынѣ». Здѣсь прежде всего невольно обращаетъ на себя вниманіе слово *издревле*. Чередуясь съ словомъ *издавна*, оно то и дѣло мелькаетъ на страницахъ «Русскаго правописанія»; ещо чаще попадается слово *обычай* въ такихъ выраженіяхъ, какъ: «обычаемъ устранено» (стр. 49) или «не освящено обычаемъ» (Указ. XV— подъ словомъ *кстати*) и т. п. Но нигдѣ не встрѣтите ни одной обмолвки въ родѣ: такое-то начертаніе *освящено* этимологіей; напротивъ настолько часто слѣпой обычай ставится выше зрячей этимологіи, что подчасъ вамъ какъ бы чудится голосъ съ того свѣта, голосъ какого-либо стариннаго уставщика изъ приверженцевъ древляго благочестія (отчего бы вм. Іисусъ не писать, какъ издревле, Ісусъ, тѣмъ болѣе, что послѣднее начертаніе согласнѣе съ фонетикой русскаго языка?).

Само «Русск. Правописаніе» на стр. 21, гдѣ говорится о преобладаніи въ русскомъ письмѣ этимологическаго характера, кратко, ясно и основательно внушаетъ: «господствующее начало его (т. е. русскаго письма) заключается въ томъ, чтобы, согласно съ непрерывно развивающеюся историческою жизнію языка, *въ начертаніяхъ ясны были слѣды происхожденія и состава словъ*». Обычай же, равнодушный вообще къ произхожденію словъ и болѣе склонный къ произношенію ихъ, именно слѣды-то произхожденія и заметаетъ безжалостно пылью вѣковъ. Конечно, не чѣмъ-либо инымъ, какъ только желаніемъ взкрыть слѣды произхожденія, можно объяснить предлагаемыя Русск. Правописаніемъ, наперекоръ обычаю, слѣдующія начертанія: *бечева* (вм. бичева), *вядчина* (вм. ветчина), *затменіе* (вм. затмѣніе), *колачъ* (вм. калачъ), *лодонь* (вм. ладонь), *пескирь* (вм. пискарь), *поромъ* (вм. паромъ), *сертукъ* (вм. сюртукъ), *снѣгирь* (вм. снигирь), *тормозъ* (вм. тормазъ) (всѣ эти слова см. въ Указателѣ). И вдругъ, на стр. 49—51 къ немалому своему удивленію находишь слѣдующую замѣтку: «въ словѣ *склянка* послѣ *с* было бы нужно (?) *т* по этимологіи (отъ стькло-стекло), но обычаемъ (?!) оно устранено для избѣжанія излишняго (?!) стеченія согласныхъ. Буква *т* исключена также изъ слова: *если* (вмѣсто: естьли).» Здѣсь что ни слово, то недоумѣніе. Устранено обычаемъ, но какимъ?—какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, обычаемъ малограмотныхъ, которыя, подъ вліяніемъ слуха, тоже для избѣжанія излишняго стеченія согласныхъ пишутъ: дѣтсво, чуство, искуство, присутсвіе, препятсвіе, петербурскій, здраствовать и т. д. и т. д.—Изъ сколькихъ же согласныхъ стеченіе нужно считать излишнимъ? изъ 4 или даже изъ 3-хъ (какъ въ словѣ естьли)? Малограмотныя и 3 согласныхъ находятъ для себя обременительными и пишутъ: празникъ, окресности и т. п. Наконецъ какъ же примирить такое противорѣчіе: и *нужно* бы и *излишне*, и почему именно излишне относительно только двухъ словъ: склянка и если? А какъ быть съ сотнями подобныхъ словъ, заключающихъ въ себѣ стеченіе 3—4 согласныхъ, какихъ найдется немало и въ Ука-

зателѣ, въ родѣ: петербургскій, студентскій, разспрашивать и т. п? Другое дѣло, если вы хотите ослабить этимологическое начало и насчотъ его усилить фонетическое, въ такомъ случаѣ прямо издайте хоть такое правило: если въ словѣ (все равно: въ началѣ, срединѣ или концѣ) встрѣтятся рядомъ 3 и 4 согласныхъ, то для избѣжанія этого излишняго для *произношенія* стеченія, не слѣдуетъ писать тотъ согласный, который или вовсе не слышится, или слабѣе слышится. Но такъ какъ о такомъ усиленіи фонетики насчотъ этимологіи нѣтъ и помина въ Р. Пр., то къ чему же такая забота о двухъ словечкахъ и такое забвеніе интересовъ учащихся? Какъ поступитъ учителю, если учащійся посмышленѣе напишетъ *стклянка* или «какъ *стекло* булатъ его блеститъ»?— прямо объявить правильное неправильнымъ и повторить буквально академическую замѣтку объ избѣжаніи излишества въ согласныхъ? Если бы составитель Р. Пр. ближе былъ знакомъ со всѣми трудностями той черновой работы начальнаго обученія грамотности, со всей закулисной стороной этого хлопотливаго дѣла, то едва ли бы онъ внесъ въ руководство эту и другія подобныя мелочныя замѣтки. Эта же замѣтка не только напрасна, но и опасна по своему соблазнительному характеру; ибо малыя сіи, по свойственному всѣмъ незрѣлымъ умамъ стремленію къ широкимъ обобщеніямъ на основаніи одного, двухъ фактовъ, не замедлятъ проявить черезчуръ усердное воздержаніе отъ излишества въ согласныхъ, воздержаніе, образчики котораго были приведены выше. Но *издревле* допущенное изключеніе ради предлоговъ *воз, из, низ, раз* (конечно, подъ вліяніемъ слуха, болѣе дѣятельнаго у малограмотныхъ, чѣмъ зрѣніе) только *отчасти*, по замѣчанію «Руководства», соблюдается нынѣ. Если такъ, то этотъ обычай, не имѣя подъ собой прочнаго основанія, подвергся общему закону измѣненія, т. е. сокращенія, какое мы видимъ, наприм. и въ нынѣшнемъ употребленіи буквы *ѣ*. Въ подобныхъ случаяхъ представляются два исхода: или изъ уваженія къ старинѣ возстановить древлее написаніе во всей его силѣ и объемѣ или же ради единства письма прямо упразднить,

если это написаніе противорѣчитъ преобладающему характеру письма. Но если по недостатку рѣшимости, какъ это обыкновенно бываетъ, прибѣгаютъ къ полумѣрамъ, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, установить опредѣленную *орѳографическую давность* подобно тому, какъ существуетъ юридическая. Слова: *издревле, издавна* слишкомъ неопредѣленны, а потому и неубѣдительны: неужели же всѣ обломки и обрывки старинныхъ обычаевъ, накопившихся въ теченіе девяти вѣковъ отъ самаго начала нашей письменности, нужно оберегать, какъ святыню, наперекоръ интересамъ учащихся, ради которыхъ слѣдуетъ прилагать всѣ старанія къ сокращенію правилъ, безъ нужды тормозящихъ и безъ того нелегкое для большинства учащихся дѣло усвоенія грамотнаго письма. Крайнимъ предѣломъ орѳографической давности должно признать начало гражданской печати при Петрѣ Великомъ, когда по его почину и при его участіи изъ церковнославянской азбуки была выкроена гражданская, русская; упраздненіе нѣкоторыхъ буквъ (кси, пси, юсы), упрощеніе фигуръ всѣхъ буквъ (онѣ также были подстрижены и побриты по европейскому образцу), болѣе рѣзкое, благодаря этому гражданскому шрифту, отдѣленіе свѣтской литературы отъ духовной, нашествіе иноплеменныхъ словъ — все это должно было рѣшительно повліять на способъ русскаго письма и ослабить связь его съ церковно-славянскимъ. Эта связь была бы ещо болѣе ослаблена, если бы Царственному реформатору азбуки, не имѣвшему ни охоты, ни времени среди своей разнообразной кипучей дѣятельности заниматься орѳографическими мелочами, вздумалось державною рукою сдѣлать ещо четыре движенія и ещо четыре буквы, *и, ѕ, ѣ, ѵ* раздѣлили бы участь своихъ товарокъ (кси, пси и юсовъ); непонятна причина, заставившая Петра Великаго пощадить эти съ перваго же взгляда совершенно ненужныя для практики литеры, тѣмъ болѣе, что въ европейской т. е. латинской азбукѣ была всего одна *i* (съ точкой), а буквамъ *ѕ* и *ѣ* не было тамъ ничего соотвѣтственнаго. Для науки буква *ѣ*, какъ и носовые знаки, сохранилась бы въ памятникахъ письменности; для разпро-

страненія же грамотности устраненіе ненужной роскоши было бы чувствительнымъ подспорьемъ. Но разъ судьбѣ угодно было спасти отъ такой мощной руки даже такія мертвыя буквы, какъ *ѣ* и *ѳ*, необходимо, по крайней мѣрѣ, относительно другихъ случаевъ сдѣлать все возможное для упрощенія письма и сокращенія правилъ. Для исторіи пресловутаго правила о предлогахъ *воз*, *из*, *низ*, *раз* нѣтъ никакой надобности возвращаться ко времени возникновенія гражданской печати; достаточно обратить вниманіе на первую четверть истекающаго столѣтія, чтобы видѣть, что изключеніе, «допущенное *издревле*», не считалось однако также обязательнымъ, какъ въ настоящее время; такъ въ петербургскомъ изданіи сочиненій Озерова 1817 г. (печат. въ типогр. Императорск. театра) въ I ч. въ траг. Эдипъ въ Аѳинахъ, при бѣгломъ просмотрѣ только 4-хъ дѣйствій т. е. 52-хъ стр. нашли мы 14 словъ, гдѣ предлоги *воз*, *из*, *раз* остаются во всей своей неприкосновенности *). Укажемъ и на Пушкина, который въ своей корреспонденціи не любилъ стѣснять себя даже издревле допущенными изключеніями; такъ въ письмахъ къ своей супругѣ, относящихся къ 1-й половинѣ 30-хъ годовъ, на 69 страницахъ насчитали мы 10 словъ съ предлогами *из* и *раз*, написанными по общему правилу, а не по изключенію **). Въ началѣ 30 годовъ вышла грамматика Востокова, но въ этой грамматикѣ привиллегія была ограничена: 1) только тремя предлогами: *воз*, *из*, *раз*, 2) только тѣми 4-мя случаями, когда они сталкива-

*) Возхищеніемъ, превозходитъ, исполнить, изпровергнуть, изпросить, истощить, источникъ, истлѣніе, истребовать, исчислять, разкаяніе, распаленны, разтерзанно, разтравлять. Еще 15-ое, попавшееся на глаза въ траг. Поликсена: (дѣйствіе) происходитъ.

**) Изключенъ, изкокетничаешься, произходить, истратилъ, разковывались, разпечатываются, Разтопчинымъ, разходы, разцаловалъ, разчислено.—Интересно также начертаніе: изпорченъ (см. Альбомъ Пушкинской выставки, изд. 2-ое 1887, снимокъ съ рукописи драмат. сц. Скупой рыцарь — начало 1-ой сцены).—Нѣкоторыя изъ учащихся, конечно, не изъ желанія примирить этимологическую правду съ неправдой случайнаго правила, а просто сбитыя съ толку послѣднимъ, пишутъ: произсхожденіе, разскрывать, возспользоваться, безсчисленный, а подчасъ даже доходятъ до смѣшенія *воз* и *вы*, какъ напр.: вызсказывать.

ются съ *к, п, т, х;* слѣдов. уступка въ пользу произношенія, если и была освящена грамматикою, то ещо не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она требуется теперь; а между тѣмъ въ Академич. руководствѣ прямо утверждается, что она допущена *издревле* и притомъ еще въ большемъ объемѣ, чѣмъ теперь, когда, по замѣчанію въ томъ же руководствѣ, она только *отчасти* соблюдается; спрашивается: въ какія же именно древнія времена и изъ какихъ примѣрно памятниковъ эта бóльшая уступка усматривается? Тридцатыя года, конечно, не могутъ считаться особенно древнимъ временемъ, но при установленіи орѳографической давности они имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ какія угодно древнія времена; въ тридцатыхъ же годахъ, хотя грамматика и санкціонировала традицію, но на практикѣ далеко еще не всѣми писателями соблюдалась даже и въ томъ сравнительно ограниченномъ размѣрѣ (какъ это видно изъ писемъ Пушкина). Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе проявлялось, къ сожалѣнію, стремленіе разширять область незаконнаго подчиненія орѳографіи произношенію; мы говоримъ: къ сожалѣнію, — ибо возстановленіе правъ этимологіи бываетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ шире былъ захватъ ея области обычаемъ, слѣпымъ, но сильнымъ, если онъ разъ полюбился полуграмотному большинству, письмо котораго всегда находится подъ давленіемъ слуха. Къ концу 50-хъ годовъ подъ перомъ людей, нѣсколько беззаботныхъ насчетъ орѳографіи, еще дальше махнула лихая тройка изъ предлоговъ *воз*, *из*, *раз*, пристегнувъ къ себѣ еще одного изъ своихъ довольно многочисленныхъ братьевъ и почему-то именно предлогъ *низ* (почему бы, наприм. не *без*, столь употребительный въ качествѣ приставки? вѣроятно, виною тому его нигилизмъ, сказывающійся въ его изключительно отрицательномъ значеніи; не оттого ли и въ изключеніе онъ навѣки заключенъ? Какъ все случайно и произвольно тамъ, гдѣ нѣтъ настоящаго, прочнаго основанія!) Сложилось окончательно въ учебникахъ пресловутое неправильное правило о 4 предлогахъ передъ к, п, т, х и ц, ч, ш, щ. Однако примѣръ 30-хъ годовъ не остался, втуне: умѣренность грамматики Востокова перешла и въ

Опытъ Ист. грамматики Буслаева (1858) и затѣмъ и въ его учебникъ (1869) съ тою лишь разницею, что къ тремъ предлогамъ прибавленъ былъ также *низ*. Такимъ образомъ и возникли тѣ два лагеря, о которыхъ было ранѣе говорено *). Хотя выше и сказано было, что правило въ учебникахъ сложилось окончательно, но дѣло съ безпокойными и назойливыми четырьмя предлогами на томъ не стало. Въ началѣ 60-хъ годовъ эти четыре предлога вздумали еще далѣе распространить вліяніе слуха на письмо: въ 1862 г. на извѣстномъ орѳографическомъ конгрессѣ въ Петербургѣ между прочимъ было рѣшено и передъ *с* также писать *вос, ис, нис, рас* (что примѣнено было тогда въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, напр. книгѣ Стоюнина «О преподаваніи русской литературы»). Далѣе, Даль сжалился надъ бѣднымъ заключеннымъ въ изключеніе *без* — и въ своемъ Толковомъ Словарѣ печаталъ постоянно *бес*, и почему бы не печатать? И Даль, и конгрессъ имѣли точно такое же право, какъ и тѣ, которые пишутъ *вос, ис, нис, рас*, но совершенно непослѣдовательно изключаютъ *без*, какъ будто онъ не оканчивается на з, и не обращаютъ вниманіе на *с*, какъ будто передъ *с* въ предлогахъ съ конечнымъ *з* этотъ *з* не слышится какъ *с*. Разъ что-либо толкнули сверху наклонной плоскости, оно должно катиться внизъ по закону косности. Исторія пресловутаго правила, какъ уже раньше было замѣчено, весьма поучительна въ трехъ отношеніяхъ: 1) она представляетъ наглядный образчикъ того, какъ подъ вліяніемъ обычая, наперекоръ наукѣ и логикѣ, въ ущербъ школѣ и самой грамотности, случайно и произвольно слагаются и крѣпнутъ подчасъ неправильныя правила; 2) показываетъ ясно, какъ легко фонетическое начало можетъ подчасъ одерживать побѣду надъ такимъ повидимому сильнымъ противникомъ, какъ начало этимологическое, благодаря лишь невольному влеченію большинства пишущихъ къ фонографіи; наконецъ 3) эта исто-

*) Къ немалому удивленію, въ послѣднемъ изданіи своего учебника грамматики такой почтенный и высокій авторитетъ, какъ Буслаевъ, перешелъ въ противный лагерь, и неужели все изъ-за того же призрака, именуемаго «единообразіемъ»?

рія ставитъ на видъ одинъ болѣе широкій и глубокій вопросъ, вопросъ, какъ намъ кажется, далеко еще не рѣшонный, объ отношеніяхъ письма къ произношенію вообще, отношеніяхъ враждебныхъ, съ теченіемъ времени какъ бы все болѣе и болѣе обостряющихся. Всякій условный знакъ (будетъ-ли то музыкальная нота, цифра, буква) долженъ бы, по здравому смыслу, всегда соотвѣтствовать тому, для означенія чего онъ придуманъ; если до сихъ поръ письмо каждаго языка не представляло такого соотвѣтствія вслѣдствіе смѣшенія этимологическаго и фонетическаго началъ, то въ будущемъ не окажется ли возможнымъ письмо фонетическое, по которому, какой звукъ слышится, такой знакъ и пишется *). Если возможна, конечно, постепенная замѣна смѣшаннаго письма письмомъ чисто фонетическимъ, то теперь же слѣдуетъ всякое измѣненіе правописанія направлять къ этой конечной цѣли. Если же нѣтъ, то этимологическому началу нужно отдавать рѣшительное предпочтеніе, особенно въ такомъ письмѣ, какъ русское. Такъ или иначе, но центръ тяжести лежитъ въ единствѣ основанія письма, т. е. въ рѣшительномъ преобладаніи или этимологическаго или фонетическаго начала. Если русскому письму свойственнѣе первое, то необходимо по возможности точно опредѣлить долю участія другаго, найти формулу, болѣе точную, чѣмъ та, по которой начертаніе слова, будучи прежде всего, такъ сказать, біографіей слова, кратко и ясно повѣствующею о происхожденіи его, не должно въ тоже время далеко разходиться съ его произношеніемъ. Если даже и признать эту формулу достаточно ясною, то примѣненіе ея къ практикѣ во многихъ случаяхъ крайне непослѣдовательно и противорѣчиво. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Пишемъ согласныя по произношенію (на основаніи закона

*) Такую возможность допускаетъ напр. Максъ Мюллеръ, съ мнѣніемъ котораго академикъ Гротъ не соглашается (Фил. Разыск. т. II стр. 156); между прочимъ въ Русск. Прав. (стр. 20—21) указывается, какъ на примѣръ, на фонетическое письмо въ сербскомъ языкѣ; значитъ, абсолютной невозможности не существуетъ.

уподобленія): *гдѣ, здѣсь, вездѣ* *) вм. *кде* (куда), *сдесь* (сюда), *весде* (всюду). Которому же изъ двухъ началъ нужно въ этомъ случаѣ отдать преимущество? Безъ сомнѣнія, этимологическому, ибо фонетическое настолько изкажаетъ образъ и подобіе этихъ словъ, что произхожденіе ихъ, въ сущности весьма ясное, совсѣмъ затемняется, и эти мѣстоименныя нарѣчія, оторванныя отъ родной семьи, являются непомнящими родства бобылями. Что же до интересовъ произношенія, то они нарушаются никакъ не болѣе, чѣмъ въ словахъ: *сбитень*, (а не збитень) *сгоряча* (а не згоряча), *сдобный* (а не здобный), *сдѣлать* (а не здѣлать). Вина же фонетическаго начертанія вышеприведенныхъ мѣстоименныхъ нарѣчій въ томъ, что старинныя грамотеи, какъ и большинство нынѣ пишущихъ, неповинны въ пониманіи этимологическаго состава этихъ нарѣчій **]. Пишемъ, наприм.: возьми *ножъ* (а не *ношъ*), *рѣжь* (но не *рѣшь*) и *ѣшь* (но не *ѣжь*). Причина противорѣчія начертанія *ѣшь* по произношенію съ этимологическими начертаніями *ножъ* и *рѣжъ* таже: непониманіе состава формы *ѣжь* (ѣда, д—въ ж; слав. яждь). Этимологическое начертаніе *ѣжь*, конечно, не помѣшало бы выговаривать его, какъ *ѣшь*, подобно тому, какъ начертаніе *ежъ*, еще болѣе удаляющееся отъ выговора (здѣсь еще и гласный *ё* изображается простымъ *е*) не мѣшаетъ выговаривать *ежъ*, какъ *ёшъ*. Но вотъ случай, когда начертаніе, дѣйствительно, является помѣхой выговору, случай, встрѣчающійся очень часто. Мы разумѣемъ вопросительно-относительное мѣстоименіе *что*, которое очень многія при чтеніи выговариваютъ буквально вм. *што* (сл. малорусск. *що*, польск. *co*), и какъ дико звучитъ такой буквальный выговоръ въ такихъ фразахъ, какъ: «пошолъ ни по што (пишется *что*), принесъ ничего» или: «выбранилъ онъ меня ни за што ни про што» или наприм. буквальное произношеніе нарѣчія *конечно* (вм. конешно). Лѣтъ 40, 50 назадъ всѣ

*) *Ѣ* же пишется просто по недоразумѣнію, утвержденному слѣпымъ обычаемъ.

**) Въ Академ. руков. на стр. 46 обычная въ такихъ случаяхъ замѣтка: «слѣдовало бы... по утвердилось».

писали по выговору *щастіе*, *щеть* и *щотъ*, перешли потомъ къ этимологическому начертанію *счастіе*, *счетъ*; что до слова му*щи*на (по прежнему начертанію), то изъ него вышло ни то ни сё, именно: му*жч*ина вм. этимологически-правильнаго: мужчина (муж-ск-ин-а; *к* смягч. въ *ч*) или, по крайней мѣрѣ, му*жщ*ина, какъ женщина (вм. болѣе правильнаго женчина). Относительно согласныхъ, примѣровъ, указывающихъ на непослѣдовательность и противорѣчіе, вытекающія изъ колебанія между этимологіей и произношеніемъ, кажется, довольно.

Кстати два, три слова насчотъ гласныхъ. Вопросъ о начертаніи гласныхъ, по самому характеру этихъ звуковъ, сравнительно съ гласными еще менѣе устойчивыхъ и опредѣленныхъ, представляетъ еще болѣе путаницы и, что особенно удивительно, именно тамъ, гдѣ гласныя, благодаря ударенію, звучатъ вполнѣ ясно и опредѣленно. Казалось бы, здѣсь слѣдуетъ преспокойно писать прямо по произношенію безо всякихъ изключеній (не такъ какъ въ пресловутыхъ предлогахъ воз, из, низ, раз), наприм.: хорошо́, ещо́, що́тка, сверчо́къ, ножо́мъ, шо́рохъ, шо́лкъ, шо́лъ, течо́тъ, рѣшо́нъ. На стр. 42 Академическаго руководства читаемъ: «Въ наше время нѣкоторые стали послѣ шипящихъ (а послѣ свистящей *ц*?) въ ударяемыхъ слогахъ всегда писать *о* вмѣсто *е*»—и вы готовы уже порадоваться за себя и за учениковъ, въ надеждѣ, конечно, услышать одобреніе попыткѣ нѣкоторыхъ ввести хоть относительно гласныхъ нѣкоторое упрощеніе..... «однакожъ (почему же не однакожь, ибо однакоже?) это правописаніе неохотно (sic!) принимается». Кѣмъ же это именно не принимается? Что это за недогадливыя или ужь очень упрямыя люди, которыя не желаютъ упрощенія, слѣдов. и облегченія? Мы, школьныя учителя, ради облегченія и себя и учениковъ, напротивъ отъ души желали бы такого упрощенія; впрочемъ намъ могутъ прямо и предписать, не спрашивая о нашихъ желаніяхъ, какъ и мы не будемъ спрашивать своихъ учениковъ, желаютъ ли они писать ещо вм. еще, шолкъ вм. шелкъ, шолъ вм. шелъ; а прямо скажемъ: пишите такъ, и вотъ почему.—Изъ вышеприведенныхъ 10 образчиковъ фонетическаго

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №.....
„.....“.....193 г.

письма ударяемаго *о* послѣ шипящихъ Академич. руководство допускаетъ только 4: хорошо, сверчокъ, ножомъ и шорохъ, остальныя же 6 не одобряетъ по разнымъ соображеніямъ, впрочемъ мало убѣдительнымъ, такъ какъ главнымъ основаніемъ является все тотъ же роковой обычай и «естественная сила привычки» (слѣдовало бы для ясности прибавить: нашего поколѣнія). Допускается наприм.: шорохъ, шопотъ, обжора, чопорный, трущоба, потому что слоги: шо, жо, що, цо—слоги *открытыя* (оканчивающіяся гласнымъ); но требуется писать: жесткій, шелкъ, счетъ, четки, щетка, потому что «въ *замкнутыхъ* слогахъ (т. е. оканчивающихся согласнымъ)—особенно коренныхъ, неупотребительно (опять тиранъ — обычай!) писать послѣ шипящихъ *о*». Но вѣдь дѣло не въ томъ, что это неупотребительно, а есть ли для этого неупотребленія достаточное основаніе; если въ открытыхъ слогахъ послѣ шипящихъ должно («позволительно», какъ выражается Акад. рук.) писать *о*, потому что, благодаря ударенію, это *о* слышится также ясно, какъ и всякое ударяемое *о* въ любомъ словѣ послѣ какого угодно согласнаго (свято́го, сѣдо́го, друго́го, ино́го, го́ловы, огоро́дъ, чудно́й и т. п.), то почему же въ закрытыхъ или замкнутыхъ слогахъ точно такое же ударяемое *о*, послѣ точно такихъ же шипящихъ писать непозволительно? Въ первомъ случаѣ (въ открытыхъ слогахъ) дѣлается уступка *чисто-русскому* произношенію (въ отличіе отъ ц. слав. письма, требующаго вообще послѣ согласныхъ шипящихъ и свистящихъ мягкихъ гласныхъ), но никакой самый тонкій слухъ не откроетъ какого-либо оттѣнка различія въ произношеніи во второмъ случаѣ (въ закрытыхъ слогахъ). Возьмите слово *счетъ* во множ. ч.; получится уже открытый слогъ *счеты*; отъ слова *четки* род. п. мн. ч. будетъ *четокъ* опять съ открытымъ слогомъ; тоже самое повторится, если рядомъ съ сл. *щетка* поставите тоже род. п. мн. ч. *щетокъ* или уменьшительное *щеточка*; придерживаясь Академ. руководства, полагающаго безъ видимаго основанія такое рѣзкое различіе между открытыми слогами, гдѣ можно писать *о*, и замкнутыми, гдѣ можно писать только *е*, мы въ правѣ писать такъ: счетъ и счоты,

четки и чотокъ, щетка и щоточка; или напр. сущ. обжогъ пишется *о*, не смотря на замкнутый слогъ, а глаголъ въ прош. вр. обжегъ при совершенно одинаковомъ произношеніи; наконецъ само Акад. руков. не всегда обращаетъ вниманіе на замкнутый слогъ и въ Справ. указателѣ стоитъ чортъ, а не чертъ. Неужели же подобныя колебанія между этимологіей и фонетикой и вытекающія отсюда разныя крупныя и мелкія противорѣчія могутъ вести къ единообразію? Самый тонъ изложенія § 41, т. е. тѣхъ 2-хъ страницъ, которыя посвящены вопросу *объ ударяемыхъ гласныхъ послѣ шипящихъ* и могутъ служить характернымъ образчикомъ изложенія вообще всего руководства,—какой-то нерѣшительный, а потому и мало убѣдительный, благодаря такимъ выраженіямъ, какъ: «*установилось* оно въ окончаніяхъ *нѣкоторыхъ* словъ».... «*позволительно* также писать».... «*неупотребительно* писать».... «*особенно неудобно* писать».... «*иногда впрочемъ* ставится».... «*желательно*, чтобъ соблюдаемо было».... Правда, этотъ 41-й параграфъ прямо начинается заявленіемъ: «вопросъ: можно ли послѣ шипящихъ буквъ писать *о* составляетъ одно изъ главныхъ затрудненій нашей орѳографіи и подаетъ поводъ къ наибольшему въ ней разнорѣчію»—но если вопросъ таковъ, то нельзя же считать его рѣшеніемъ простое признаніе существующихъ порядковъ или точнѣе: безпорядковъ, простое санкціонированіе statu quo; нельзя же согласиться и съ тѣми доводами, въ силу которыхъ отвергается «повсемѣстное введеніе послѣ шипящихъ буквы *о*», а между тѣмъ именно это введеніе и представляетъ единственный изходъ изъ затрудненія, подающаго «поводъ къ наибольшему разнорѣчію». Нелишнимъ однако будетъ познакомиться съ этими доводами, тоже въ свою очередь характерными. «Предпочтительное употребленіе послѣ шипящихъ въ ударяемомъ слогѣ *е* (а не *о*) объясняется, кромѣ естественной силы привычки, еще и тѣмъ, что повсемѣстное введеніе тутъ *о* находилось бы въ противорѣчіи: во-первыхъ, съ общимъ этимологическимъ характеромъ русскаго правописанія, во вторыхъ, съ начертаніемъ *е* вм. *ё* послѣ другихъ согласныхъ (напр. идетъ, ледъ, полетъ). Когда

въ безчисленномъ множествѣ случаевъ этотъ обычай не мѣшаетъ правильному произношенію, то и послѣ шипящихъ нѣтъ необходимости всякій разъ означать на письмѣ выговоръ, измѣняющій *е* въ *ё* или *о*. Желательно, напротивъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ *о* не вошло во всеобщее употребленіе вм. *е*, соблюдаемо было и послѣ шипящихъ этимологическое правописаніе». Оставимъ пока въ сторонѣ частныя недоразумѣнія, вызываемыя отдѣльными выраженіями и пунктами сейчасъ приведенныхъ доводовъ: а именно: 1) чью привычку нужно здѣсь разумѣть? если привычку стараго поколѣнія, то вѣдь законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ; 2) почему бы не возстановить прежній обычай болѣе точнаго начертанія звука *ё*, если отсутствіе этого начертанія мѣшаетъ введенію начертанія *о*? *); наконецъ 3) если нѣтъ необходимости всякій разъ означать выговоръ *е* какъ *о*, то зачѣмъ же такое означеніе только въ нѣкоторыхъ случаяхъ позволительно, тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ оказывается вообще желательнымъ этимологическое правописаніе *е* вм. *о*. Оставимъ въ сторонѣ эти частныя недоразумѣнія и обратимъ все наше вниманіе на одно болѣе общее и важное, съ устраненіемъ котораго изчезнутъ и частныя. Источникъ этого недоразумѣнія въ томъ колебаніи, которое такъ наглядно сказывается въ словахъ, такъ часто являющихся рядомъ: *позволительно*, но *желательно*, колебаніе, которое, какъ тѣнь, наводящая сумракъ даже и на ясный вопросъ, проходитъ черезъ все Академическое руководство вплоть до Справочнаго указателя, гдѣ можно насчитать, какъ уже выше было замѣчено, до 121 случая двоякаго письма: позволительнаго и желательнаго. Надо представить себя въ положеніи школьнаго учителя, чтобы понять всю тяжесть послѣдствій такого по-

*) Для иностранцевъ же при изученіи русскаго языка (изученіе это, можно надѣяться, съ теченіемъ времени и прежде всего, вѣроятно, среди соплеменныхъ намъ иностранцевъ, братьевъ славянъ, можетъ получить большее, чѣмъ доселѣ, распространеніе) представляетъ немаловажное облегченіе всякій знакъ, по возможности точно указывающій настоящее произношеніе звука, какъ напр. ударяемое *ё* (мёлъ, ёлка, ёжъ, ёмкій), а также и ударяемое *о*, послѣ шипящихъ (жогъ, чортъ, шолкъ, ещо).

стояннаго колебанія въ самомъ орѳографическомъ законодательствѣ: обыкновенный школьный языкъ знаетъ только слово: *должно*, но не допускаетъ словъ: *позволительно* и *желательно*. Но гдѣ же источникъ самого колебанія? Въ томъ ли коренномъ разладѣ, который привыкли мы видѣть между живымъ звукомъ, легкимъ и подвижнымъ, и мертвой буквой, тяжолой на подъемъ и неспособной уловить всѣ его переливы и оттѣнки (verba volant, scripta manent) или, быть можетъ, только въ недостаточной теоретической разработкѣ вопроса объ отношеніяхъ, кажущихся намъ столь враждебными на практикѣ, между звукомъ и буквою, между произношеніемъ и письмомъ, между фонетикой и этимологіей? Источникъ колебанія, думается намъ, долженъ лежать въ недостаточной разработкѣ. Обыкновенно безъ строгаго различія употребляются выраженія: письмо по произношенію, письмо фонетическое, между тѣмъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что эти выраженія далеко неравносильны и что выраженію «письмо по произношенію» должно соотвѣтствовать «письмо фонографическое», а не фонетическое. Поясникъ примѣромъ. Если напишемъ такъ: *што*, му*шъ*, ло*шка*, но*ша*, му*шка*, вос*ъ*, вя*кій*, вос*кресенье*, ве*сти*, пле*сти*, па*смурный*, то всѣ безъ изключенія подчеркнутыя буквы будутъ написаны по произношенію, ибо въ первыхъ пяти словахъ будетъ слышаться одинъ и тотъ же звукъ *ш* и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ безъ малѣйшаго оттѣнка различія; подобнымъ же образомъ въ слѣдующихъ шести будетъ слышаться одинъ и тотъ же звукъ *с*. Но всякому сколько-нибудь грамотному сразу бросится въ глаза, что изъ этихъ 11 словъ, въ которыхъ, дѣйствительно, и звукъ *ш* и звукъ *с* одинаково написаны по произношенію, безграмотны 5 словъ (собственно говоря 6, если считать и позволительное начертаніе слова: воскресенье) и что при возстановленіи правильнаго начертанія, эти 5 словъ явятся съ такими уже правильными физіономіями: *что*, му*жъ*, ло*жка*, во*зъ*, вя*зкій* (одно воскресенье сохранитъ свое фонографическое начертаніе), правильны же эти физіономіи потому, что род. п. напримѣръ будетъ *чего*,

а не *шево*, прилагательное: мужескій, уменьшительныя: ло*жс*ечка и возикъ, глаголъ: вязнуть. Все это такъ, но вотъ въ чомъ дѣло: существуетъ въ грамматикѣ законъ смягченія, по которому *х* и *с* замѣняются черезъ *ш* (мушка, ноша) или законъ перехода, по которому *д*, *т*, *х* замѣняются черезъ *с* (вести, плести, пасмурный). Но, вѣдь и *ч* и *жс*, подобно *х* и *с* замѣняются черезъ *ш* (што, мушъ), и *з*, подобно *д*, *т*, и *х* замѣняется черезъ *с* (восъ, вяскій); почему же эти замѣны не изображаются на письмѣ? Относительно смягченія гортанныхъ, обыкновенно принимаютъ такую градацію: *к* (ликъ) переходитъ въ *ц* (лицо), затѣмъ въ *ч* (личико), но почему нельзя прибавить еще одну ступеньку: наконецъ *ч* — въ *ш* (нали*ш*никъ); или: *г* (други)—въ *з* (друзья), затѣмъ въ *жс* (дружба), но почему бы опять не прибавить: и наконецъ въ *ш* (дру*ш*ка)? Существуетъ законъ выпаденія согласныхъ передъ согласными; особенно неуживчивымъ оказывается звукъ *н* (можетъ быть, по своему носовому оттѣнку, дающему ему право считаться болѣе благозвучнымъ, чѣмъ другія согласныя, которыя онъ безъ церемоніи сталкиваетъ съ своего пути); и здѣсь опять таже непослѣдовательность (по крайней мѣрѣ, такъ кажется непредубѣжденному взгляду): звѣз*д*ный, уѣз*д*ный (а не звѣзный, уѣзный, ибо звѣзды, уѣзды); но увянуть, отпрянуть (а не увя*д*нуть, отпря*д*нуть, хотя увядать, отпрядывать); окрес*т*ный, мѣс*т*ный (а не окресный, мѣсный), но блеснуть, хлеснуть (см. Справочный указатель стр. III и XXXV, хотя тамъ же на стр. XXX свистнуть, и рядомъ въ скобкахъ: свистать; впрочемъ, и рядомъ съ блеснуть тоже въ скобкахъ поставлено блестѣть; а глаголу хлеснуть предпослано уже безъ скобокъ: хлестать, хлещу). Есть законъ фонетическій усиленія или подъема гласныхъ, по которому звукъ *е* наприм. поднимается по слѣдующей лѣстницѣ *е—ё—о—а* (веду, вёлъ, про́воды, прова́живать; лежу; лёгъ, положи́ть, полага́ть), почему же непозволительно признать тотже подъемъ и въ слѣдующихъ словахъ: жестокій, жосткій, перечень, счотъ, перечолъ и чотки; шептать, шопоть; щетина, щоточка? Если даже въ такихъ словахъ, какъ: про́воды,

полагàть, гдѣ яснаго язвука *о* и не слышится, мы тѣмъ не менѣе должны обозначать, такъ сказать, подразумѣваемое усиленіе, то почему же тамъ, гдѣ *о*, благодаря ударенію, такъ ясно слышится, мы не въ правѣ писать *о* потому только, что это *о* слѣдуетъ за шипящими? при чемъ же тутъ щипящія-то? Всѣ подобныя недоумѣнія по своему черезчуръ, можетъ быть, элементарному характеру покажутся съ ученой точки зрѣнія дѣтски-наивными; но кто, по своей профессіи, долженъ постоянно низходить до уровня пониманія, именно дѣтски-наивнаго (въ этомъ и заключается главный секретъ обученія), тому необходимо умѣть находить на эти запросы сколько-нибудь удовлетворительныя отвѣты, отвѣты притомъ не противорѣчащія основнымъ научнымъ положеніямъ. «Разсмотрѣніе образованія звуковъ, ихъ сочетанія и измѣненія составляетъ предметъ *фонетики* (отъ греч. φωνή, голосъ, звукъ)» (см. стр. 1. Академ. руководства). Но фонетика есть только часть этимологіи; всѣ разнообразныя звуковыя комплексы составляютъ только внѣшнюю сторону словъ, столь же тѣсно связанную съ внутренней, какъ тѣло и душа, и столь же неотдѣлимую отъ послѣдней, какъ неотдѣлимы душа и тѣло. Фонетика, обнимая собою всю широкую область произношенія и разсматривая всѣ разнообразныя измѣненія звуковъ, одни изъ этихъ измѣненій признаетъ органически, согласно съ духомъ языка, развившимися явленіями, а слѣд. и законными,—въ другихъ же измѣненіяхъ видитъ нѣчто случайное, наносное, какъ бы діалектическое изкаженіе, а потому и не признаетъ ихъ законными. Первыя, какъ законныя, изображаются и на письмѣ, вторыя же прямо отвергаются, какъ незаконныя, и такое письмо будетъ фонетико-этимологическимъ; фонографическимъ же письмомъ было бы такое, которое всѣ слышимыя измѣненія безъ различія признавало бы обязательными для себя. Такимъ образомъ послѣднее письмо допустило бы всѣ безъ изключенія многочисленныя случаи начертаній, подобныхъ вышеприводившимся: *што*, *мушъ*, *лошка*, *восъ*, *вяскій*. Если такія фонографическія начертанія нынѣшнее фонетико-этимологическое письмо рѣшительно отвергаетъ, то, конечно, и

нынѣшняя теорія фонетики должна и звуковыя измѣненія, служащія основаніями для такихъ начертаній, считать также незаконными, неправильными. Для провѣрки этого апріорнаго заключенія обратимся къ Академич. руководству, къ первой его части, заключающей въ себѣ *основныя черты русской фонетики* и составляющей $^1/_6$ всего руководства (мы не считаемъ Справочн. указателя, имѣющаго свою особую пагинацію). Эта часть, полезная сама по себѣ, изложена, можетъ быть, слишкомъ подробно для такого Справочнаго руководства, особенно, если принять во вниманіе полное отсутствіе основныхъ чертъ русской этимологіи, хотя бы въ видѣ краткой теоріи этимологическаго состава словъ, прежде всего необходимой въ сборникѣ правилъ такой орѳографіи, въ которой «преобладаетъ характеръ этимологическій» (стр. 21) *).

*) Собственно по теоріи этимолог. состава только и есть на стр. 24 въ выноскѣ замѣтка, предлагающая ненужную для школьной практики замѣну ходячихъ терминовъ: *приставки* и *подставки* новыми: *представкою* и *наставкою*, притомъ менѣе точными; ибо приставить что-нибудь *къ* чему-нибудь не то, что поставить *передъ* чѣмъ-нибудь (скорѣе *представкою* можно замѣнить *предлогъ:* въ старину слова полагали, а мы ихъ ставимъ); что же до *наставки* т. е. суффикса, то въ Справочн. указателѣ на стр. XXXII при словѣ *суффиксъ* читаемъ въ скобкахъ слѣдующее: отъ лат. suffigere, прикрѣплять снизу или сзади; слѣд. *наставка* прямо противорѣчитъ этому толкованію, и *подставка* является болѣе точнымъ переводомъ. Ради интересовъ учащихся введеніе новыхъ терминовъ требуетъ особенной осторожности, и въ руководствѣ, поставившемъ себѣ задачею привести одно дѣло къ единообразію, непонятнымъ является стремленіе вводить разнообразіе въ другое, еще болѣе важное: теорія школьной грамматики и безъ того страдаетъ пестрымъ разнообразіемъ терминологіи. Еще непонятнѣе въ Академич. руководствѣ замѣна новыми, менѣе пригодными терминами такихъ старыхъ, которыя какихъ-нибудь 10, 12 лѣтъ были введены самимъ же составителемъ Академ. руководства и которыя начали уже входить въ школьное употребленіе; мы разумѣемъ термины: согласныя *звонкія* или *громкія*, согласныя *глухія* или *шопотныя*, вмѣсто которыхъ явились въ Академ. руководствѣ такія: согласныя *голосовыя* и согласныя *безголосныя*, звучащія очень странно для русскаго уха и мало говорящія уму: какъ не можетъ быть прилагательнаго *голосный* (развѣ только въ сложныхъ словахъ: трехголосное пѣніе), также нерусскимъ звучитъ и прилагат. *безголосный* (съ приставкой *без* прилагат. образуются обыкновенно безъ помощи суффикса, какъ напр.: безбородый, безголовый, безногій; если же *безголосный* приравнять по значенію къ *безгласный*, то выйдетъ что-то совсѣмъ ужъ темное: *безгласныя согласныя).* Еще разъ отъ лица школы заявляемъ, что, прилагая заботы объ устраненіи разнообразія въ одномъ от-

Судя по тому изключительному вниманію, которое оказано фонетикѣ, скорѣе можно предположить преобладаніе фонетическаго начала въ русскомъ письмѣ. Но обратимся къ провѣркѣ. На стр. 17—19 изложенъ законъ *уподобленія голосовыхъ звуковъ* (понимать надо: согласныхъ *звонкихъ*, какъ называлъ ихъ прежде самъ академикъ Гротъ, или *звучныхъ*, какъ ихъ называлъ прежде академикъ Буслаевъ) *безголоснымъ* (понимать надо: согласнымъ *глухимъ* по Гроту или *отзвучнымъ* по Буслаеву) *и наоборотъ*. Изложенъ законъ уподобленія въ 6 пунктахъ: первыя пять указываютъ на различныя случаи уподобленія, а въ послѣднемъ шестомъ отмѣчается единственное изключеніе изъ этого фонетическаго закона. Потрудитесь обратить вниманіе на примѣры, приводимыя въ руководствѣ для иллюстраціи перваго случая уподобленія, а именно: пишется *в*стать, произносится *ф*стать; о*б*хватить—о*п*хватить; изсохнуть—и*с*сохнуть; о*т*дать—о*д*дать; *с*беречь—*з*беречь; *с*дѣлать—*з*дѣлать; про*с*ьба—про*з*ьба и т. д. А вотъ примѣры на 3-ій случай: пишется гри*б*ъ, произнос. гри*п*ъ; ро*в*ъ—ро*ф*ъ; го*д*ъ—го*т*ъ; кру*г*ъ—кру*к*ъ; рѣ*ж*ь—рѣ*ш*ь и т. д. Изъ такого сопоставленія, своего рода очной ставки того, что пишется, съ тѣмъ, что слышится, прямо можно вывести заключеніе, что совершенно законное для произношенія (фстать иссохнуть, здѣлать, рофъ, готъ, рѣшь) является крайнимъ беззаконіемъ на письмѣ; что требуемое ухомъ возмущаетъ глазъ. Къ какому же заключенію приходитъ Академич. руководство относительно правописанія? «Описанное здѣсь уподобленіе другъ другу звуковъ голосовыхъ и безголосныхъ на письмѣ

ношеніи, нельзя поощрять болѣе опасное разнообразіе въ другомъ, разнообразіе, ведущее къ сбивчивости и путаницѣ въ самыхъ понятіяхъ, которыя обозначаются такими близкими для слуха учащихся терминами, какъ: *согласныя безголосныя, согласныя голосовыя;* сбивчивость усиливается ещо и отъ того, что до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ учебникахъ остаются ещо и болѣе старинныя термины: согласныя *тонкія* и *среднія*. Для избѣжанія подобной неустойчивости и неурядицы въ терминахъ лучше уже держаться оригинальныхъ (а не переводныхъ) терминовъ, такъ сказать, международныхъ: такъ вм. приставки и представки употреблять *префиксъ*, а вм. подставки и наставки—*суффиксъ*, что мы иногда встрѣчаемъ и въ Акад. руководствѣ (напр. на стр. 17).

не означается» —коротко и ясно; но совершенно неясною по своей неожиданности и категоричности является прибавка: «исключая одинъ случай, о которомъ будетъ сказано ниже (начертанія: *вос*, *ис*, *рас*)» *). Почему же изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ случаевъ уклоненія произношенія отъ письма только этотъ единственный случай принятъ въ уваженіе? Потому ли, что здѣсь уклоненіе не такъ рѣзко, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ или, быть можетъ, потому, что этимологическій составъ словъ настолько неясенъ, что по необходимости приходится писать по слуху? Но, конечно, ни той, ни другой причины здѣсь допустить нельзя, и вопросъ остается безъ отвѣта. Далѣе читаемъ: «Есть еще другой родъ измѣненія звуковъ, состоящій въ томъ, что напр. согласные: *г*, *д*, *з* переходятъ въ *ж*; *к*, *т*, *ц* въ *ч* и т. д.; но на этихъ переходахъ звуковъ нѣтъ надобности здѣсь останавливаться, такъ какъ они всегда означаются и на письмѣ, слѣдовательно не представляютъ затрудненія для орѳографіи». Но для кого не представляютъ затрудненія? Для тѣхъ только, кто уже усвоилъ себѣ орѳографію; для такихъ лицъ ещо менѣе могутъ представить затрудненія случаи фонетическаго уподобленія согласныхъ; а между тѣмъ на законъ уподобленія звуковъ какъ согласныхъ, такъ и гласныхъ обращено въ руководствѣ обстоятельное вниманіе (изложеніе занимаетъ болѣе 6 страницъ), для какой же именно цѣли? спрашивается. Руководство, къ сожалѣнію, почему-то забываетъ именно о тѣхъ, для кого оно главнымъ образомъ и должно служить Аріадниною нитью въ орѳографическомъ лабиринтѣ, о тѣхъ, кто обучается орѳографіи; для нихъ же близкое соприкосновеніе перехода звуковъ, о которомъ умалчиваетъ руководство, съ уподобленіемъ ихъ, о которомъ разпространяется оно, представляетъ затрудненіе; на это соприкосновеніе мы уже указывали (другъ, друзья, дружба, друшка; лавка, лавочка, лавошникъ). Если наконецъ не для учащихся, то во

*) Непонятно, почему пропущенъ *ис;* вѣроятно, опечатка, потому что на стр. 46—47, гдѣ именно говорится объ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ случаѣ, всѣ четыре братца налицо.

всякомъ случаѣ для учащихъ необходимо знать, что въ фонетикѣ считать законнымъ и незаконнымъ и гдѣ кончается одно и начинается другое. Но для основательнаго рѣшенія вопроса о проведеніи демаркаціонной линіи между фонетико-этимологическимъ письмомъ и фонографіей, а также ещо болѣе широкаго вопроса о томъ, который же изъ двухъ русскихъ языковъ настоящій: тотъ ли, который пишется, или тотъ, который слышится, и въ связи съ этимъ другаго о томъ, насколько съ азбукой существующей разошлась бы та азбука, которую, въ случаѣ отсутствія первой, нужно было бы изобрѣсти въ настоящее время; для рѣшенія подобныхъ, далеко не праздныхъ ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніи вопросовъ необходимо отрѣшиться отъ такихъ субъективныхъ чувствованій, какъ излишнее, не разбибирающее степеней давности уваженіе къ прошедшему т. е. къ обычаю вообще и къ силѣ личной привычки въ частности, какъ излишняя боязнь за будущее т. е. за возможность вящшаго разнорѣчія (разнописанія), къ которому можетъ подать поводъ та или другая отмѣна, хотя и обычнаго, но завѣдомо несостоятельнаго способа начертанія. Для чего нужно рѣшеніе подобныхъ вопросовъ? Не для того, конечно, чтобы производить какую-нибудь коренную реформу, для которой потребовалось бы изобрѣтеніе новой азбуки, а для того только, чтобы сдѣлать опытъ измѣненій, несомнѣнно полезныхъ для школы и ни для кого и ни для чего невредныхъ внѣ ея. При этихъ опытахъ, ни въ какомъ случаѣ неопасныхъ, необходимо принимать во вниманіе и орѳографическую статистику и на основаніи ея большинству случаевъ отдавать преимущество передъ меньшинствомъ, другими словами, освобождать правила отъ изключеній, изъ которыхъ въ свою очередь бываютъ ещо изключенія, что мы видимъ относительно предлоговъ *воз*, *из*, *низ*, *раз*; правило о нихъ есть въ сущности изключеніе изъ правила, по которому большинство предлоговъ—приставокъ пишется этимологически; изъ этого же изключительнаго правила дѣлается изключеніе ради двухъ предлоговъ *без* и *чрез*. Въ другихъ случаяхъ слѣдуетъ обращать внима-

ніе не столько на количественную, сколько на качественную сторону; такъ напр. относительно ударяемаго *о* послѣ шипящихъ и свистящаго *и*; при неустойчивости и неясности гласныхъ звуковъ вообще сравнительно съ согласными (такъ назыв. сомнительныя согласныя существуютъ только въ воображеніи составителей учебниковъ) нужно дорожить каждымъ случаемъ, когда гласный благодаря ударенію слышится вполнѣ ясно; если пишемъ: гова́ривалъ (разгово́ръ), на́шивалъ (но́ша), ха́живалъ (дохо́дъ) на основаніи подъема *о* въ *а*, то почему бы на томъ же основаніи не писать: прошо́лъ (прошедшее), прочо́лъ (прочесть), прожо́гъ (прожечь), тѣмъ болѣе, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ подъемъ или усиленіе гласныхъ *е* въ *ё* и *о*, *о* въ *а* совпадаетъ съ усиленіемъ голоса или удареніемъ, и такихъ случаевъ немало? Если наше соображеніе относительно усиленія *е* въ *о* ударяемое послѣ шипящихъ основательно, то и такія начертанія, какъ: *прошолъ, прочолъ, прожогъ* будутъ этимологически вѣрны и вполнѣ согласны съ произношеніемъ. При допущеніи повсемѣстномъ слышимаго *о* послѣ шипящихъ сразу бы упразднились сами собою тѣ 8 правилъ мелочныхъ и отрывочныхъ, случайныхъ и произвольныхъ, которыя вы находите въ Акад. руков. на 2-хъ страничкахъ, посвященныхъ этому орѳографическому вопросу (стр. 42—44), въ родѣ: «позволительно писать *о* въ твор. над. ед. ч. сущ. именъ..» или: «особенно неудобно писать *о* въ причастной формѣ прошедшаго времени... а также въ страдат. прич. того же времени» и т. д.

Итакъ, имѣя въ виду, ради пользы обучающихся правописанію (а не обученныхъ уже ему), а также въ интересахъ самого правописанія т. е. ради его упрощенія, а слѣдов. и бо́льшаго его однообразія, мы теперь укажемъ нѣсколько образчиковъ упрощенія, по нашему крайнему разумѣнію, вполнѣ осуществимыхъ, если начать не съ конца, а съ начала т. е. со школы.

1. Огульное письмо *о* ударяемаго послѣ шипящихъ и свистящаго *и* во всѣхъ составныхъ частяхъ слова безъ различія: въ корняхъ, суффиксахъ и окончаніяхъ. Здѣсь, какъ уже

выше замѣчено, головы школьниковъ избавляются отъ 8 мелочныхъ правилъ, а чѣмъ мелочнѣе правило, тѣмъ оно труднѣе запоминается и тѣмъ легче забывается его примѣненіе къ практикѣ.

2. Огульное письмо всѣхъ предлоговъ-приставокъ по ихъ этимологическому составу, а слѣдов. и пресловутыхъ *воз, из, низ, раз.* Здѣсь упраздняется одно правило, имѣющее характеръ изключенія, и ещо изключеніе изъ онаго.

Да не посѣтуетъ на насъ, благосклонный читатель, если только онъ дойдетъ до этого мѣста, на эпизодически отрывочный, мало послѣдовательный характеръ нашей рѣчи въ защиту школьниковъ отъ излишнихъ претензій капризной орѳографіи: при переправѣ черезъ бурный орѳографическій потокъ, мы незамѣтно увлечены были внизъ по теченію отъ пункта, бывшаго цѣлію переправы. Просимъ также благосклоннаго читателя не бросать книжки въ сторону, если его зрѣніе будетъ поражено и возмущено такими начертаніями, какъ: *прошолъ, прочолъ, прожогъ* или такими, какъ: *возкресенье, изключеніе, превозходительство, снизходительно, разточать;* пусть, на минуту забывъ свои зрительныя привычки, припомнитъ онъ, что 60 — 70 лѣтъ назадъ подобнымъ образомъ печатали эти предлоги (раньше были приведены образчики изъ Эдипа въ Аѳинахъ Озерова) и приметъ въ соображеніе, что новое поколѣніе легко можетъ усвоить подобное начертаніе предлоговъ; наконецъ если это начертаніе и возмущаетъ глазъ читателя, то потому только, что онъ видитъ здѣсь цѣлыхъ пять словъ въ необычномъ для него начертаніи, рядомъ поставленныхъ, въ книгѣ же встрѣчающихся вразбродъ, черезъ значительныя промежутка среди массы другихъ словъ.

3. Если изъ первыхъ двухъ образчиковъ упрощенія одинъ, отмѣняя уступку произношенію, возстановляетъ права этимологіи, другой наоборотъ разширяетъ уступку произношенію, такъ какъ оно въ данномъ случаѣ не противорѣчитъ этимологіи, то слѣдующій третій образчикъ представляетъ опытъ упраздненія такого начертанія, которое тѣмъ особенно

и замѣчательно, что представляетъ случай, единственный въ своемъ родѣ; это начертаніе—плодъ досужаго мудрствованія старинныхъ грамотеевъ, охраняется, какъ святыня, и позднѣйшими ревнителями орѳографической традиціи, наперекоръ этимологіи и безъ малѣйшей пользы для произношенія, лишь ради различенія на письмѣ того, что во всѣхъ другихъ случаяхъ (а ихъ множество) легко разпознается по связи съ другими словами, по общему смыслу фразы, не только въ книгѣ, но даже и въ живой рѣчи. Мы разумѣемъ различеніе въ извѣстномъ словѣ двухъ значеній: собственнаго и переноснаго. Если бы какому-либо реформатору орѳографіи вздумалось отличать на письмѣ отъ собственнаго значенія, наприм. слова *свѣтъ* его переносное черезъ употребленіе буквы *е* вм. *ѣ*; напр. свѣтъ солнца, свѣтъ лампы, но—ученье светъ, большой светъ (бомондъ), то всякій сколько-нибудь серьезный человѣкъ нашолъ бы такое нововведеніе и очень легкомысленнымъ и совершенно ненужнымъ; но такой серьезный человѣкъ уже прямо возмутился бы, какъ неумѣстной шуткой, попыткою обозначать, напр. троякое значеніе слова *языкъ* троякимъ начертаніемъ, а именно: 1) языкъ, какъ органъ произношенія, при помощи русской буквы *я*, 2) ꙗзыкъ, въ смыслѣ народа, черезъ славянскую букву ꙗ *), наконецъ 3) ѧзыкъ, въ смыслѣ говора извѣстнаго народа, стариннымъ малымъ юсомъ: ѧ; ещо болѣе возмутительнымъ глумленіемъ счолъ бы серьезный человѣкъ предложеніе утилизировать напр. двоякое начертаніе (встрѣчаемое въ Указателѣ Акад. руководства) такимъ образомъ: старое *ветчина* для обозначенія ветчины безъ трихинъ, а новое *вядчина* для обозначенія тогоже мяса, но уже съ трихинами. Мы позволили себѣ шутку не безъ цѣли; мы хотѣли нагляднѣе показать возможность широкаго произвола, къ которому ведетъ принципъ различенія смысла при помощи начертанія вообще; главнѣйшимъ доводомъ для сохраненія въ русскомъ письмѣ древнеболгарской *ѣ* является этотъ именно принципъ, какъ будто нижеслѣдующая фраза, наприм. безъ труда понимаемая по слуху, стала бы совсѣмъ невразумп-

*) Напр.: „ꙗзыки, вѣдайте: великъ Россійскій Богъ!“—*Озеровъ*.

тельною при отсутствіи буквы *ѣ*: «какъ только солнце село за село, охотники сели подъ ели и битый часъ ели»; если же она, дѣйствительно, покажется невразумительною, то лишь для нашего привыкшаго къ буквѣ *ѣ* глаза; стоитъ прочесть вслухъ, и все будетъ ясно. Но оставимъ пока важный вопросъ о привычкѣ зрѣнія, а также и дерзкую мысль объ изъятіи *яти* изъ обращенія; нашъ третій образчикъ упрощенія гораздо невиннѣе и скромнѣе, именно: огульное письмо черезъ *и* (осьмиричное) слова *миръ* и въ собственномъ его значеніи: тишина, покой, порядокъ, и въ переносномъ: вселенная (какъ нѣчто, представляющее стройный порядокъ, близкое къ слову греч. космосъ); такимъ образомъ у насъ получатся слова, хотя рѣжущія глазъ, но сразу понятныя по связи ихъ съ другими: *мирская* сходка, *всемирный* потопъ, *мирянинъ* изъ пригорода (Бор. Год. Пушк. сц. 8-я), которыя, безъ сомнѣнія, никто не смѣшаетъ съ другими производными отъ тогоже самаго слова миръ, напр.: *перемиріе*, *мировой* судья, *мирить* враговъ и т. п. Спрашивается: двоякое начертаніе: *миръ* и *міръ* многимъ ли основательнѣе и главное нужнѣе вышеприведенныхъ образчиковъ двоякаго и даже троякаго начертанія? и почему именно только одному единственному слову *миръ* выпалъ на долю такой ничѣмъ незаслужонный почотъ, подобный привиллегіи, которой удостоились пресловутыя предлоги *воз, из, низ, раз?* но этихъ предлоговъ четыре и изъ нихъ три часто встрѣчаются въ качествѣ приставокъ; кромѣ того, тамъ сдѣлана уступка произношенію— здѣсь же какое придумано основаніе? А вотъ какое: «Этимологически, конечно, *миръ* и *міръ* одно и то же слово, установленное между ними на письмѣ различіе имѣетъ только *практическое* (sic!) значеніе» (Акад. рук. Справочн. указатель, стр. XVIII). Если въ нашемъ письмѣ «преобладаетъ этимологическій характеръ» (см. Акад. рук. стр. 21), если «этимологически *миръ* и *міръ* одно и то же слово», то указываемое, болѣе чѣмъ сомнительное, практическое значеніе стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ этимологіей, и громадное большинство пишущихъ *миръ* и *міръ*, вообще мало свѣдущее въ этимологіи, вводится въ заблужденіе, ибо видитъ на самомъ дѣлѣ

не одно, а два слова; два же значенія этого одного слова настолько отличны одно отъ другаго, что даже иному изъ учащихъ (нечего и говорить объ учащихся) могутъ показаться за два особыя слова. Если тѣмъ не менѣе практическое значеніе такъ важно, то почему же именно только въ этомъ случаѣ, *единственномъ* во всемъ русскомъ правописаніи? Послѣ этого вышеприведенное ради шутки двоякое начертаніе: *ветчина* и *вядчина* можетъ также имѣть практическое значеніе и, если принять во вниманіе опасность отъ зараженія трихинами, даже бо́льшее, чѣмъ, наприм., слѣдующее различеніе, помѣщенное на той же XVIII стр. Указателя: «*Мятель*.... по Далю значитъ буранъ *сверху*, а *метель*—буранъ *снизу*». Кстати спросить: зачѣмъ помѣщено это странное толкованіе Даля, если въ тоже время указывается только одно начертаніе, какъ правильное: *мятель*? какимъ образомъ Даль, въ ученомъ мірѣ не считающійся за авторитетъ въ дѣлѣ этимологіи, дошолъ до этого очень тонкаго оттѣнка различія въ значеніяхъ одного и тогоже слова? если, что всего вѣроятнѣе, онъ подслушалъ это различіе въ живомъ говорѣ, то почему же не поставлено удареніе на словахъ: мя́тель и ме́тель? *Мятель* отбросила насъ въ сторону отъ *мира*, вернемся опять къ нему. Если придаютъ такое важное практическое значеніе двоякому начертанію *миръ* и *міръ*, то, конечно, въ томъ отношеніи, что одинаковое начертаніе произведетъ путаницу, затруднитъ пониманіе читаемаго; мы выше уже ставили передъ глазами читателя рядомъ такія слова, какъ: *мирская* сходка и *міровой* судья; теперь же поставимъ на видъ практику живаго слова, въ которомъ уже нѣтъ і (съ точкой); но отсутствіе этого і (съ точкой) нисколько не мѣшаетъ сразу вѣрно понимать слышимое, въ родѣ слѣдующихъ фразъ и выраженій: азъ есмь свѣтъ *миру* (какъ слово *свѣтъ*, такъ равно и слово *миръ* всякій пойметъ въ переносномъ смыслѣ), или: *миръ мирови* Твоему даждь, *миромъ* Господу помолимся, о *мирѣ* всего *мира*, съ *миромъ* изыдемъ, *миръ* всѣмъ—это мы слышимъ въ церкви; а такія пословицы, слышимыя въ повседневномъ обиходѣ, развѣ не поймемъ сразу и безъ

і (съ точкой): съ *миру* по ниткѣ, голому рубашка, люди живутъ въ *мирѣ*, да не въ *мирѣ*, или: *миръ* вамъ и я къ вамъ и т. п. Но въ Указателѣ рядомъ съ словомъ *миръ* есть ссылка на 59 стр. Руководства; заглянемъ же туда: быть можетъ, найдемъ тамъ болѣе убѣдительное основаніе въ какомъ либо общемъ положеніи, съ которымъ занимающій насъ въ эту минуту единственный въ своемъ родѣ случай поставленъ въ какую-либо логическую связь. «Въ древнѣйшихъ рукописяхъ, читаемъ мы на 59 стр., буква *і* употреблялась только въ видѣ сокращенія *и*, особенно въ концѣ строкъ по недостатку мѣста». Мѣстомъ же, прибавимъ отъ себя, очень дорожили, потому что письменный матеріалъ былъ крайне дорогъ; слѣдов. чисто экономическія соображенія, не имѣющія ничего общаго ни съ этимологіей, ни съ произношеніемъ, были причиною введенія лишней буквы. «Впослѣдствіи, читаемъ далѣе въ Руководствѣ, по примѣру южно-славянскаго правописанія памятниковъ XV вѣка, установилось правило» (какъ легко было въ то доброе старое время, когда все школьное обученіе не шло далѣе часослова и псалтыря, устанавливать подобныя правила!) «и теперь соблюдаемое, ставить *і* только передъ гласными буквами, какъ чистыми, такъ и облеченными, а также полугласною *й*, напр. христіанинъ, вліяніе, ловчій. Но (какъ дорого обходится учащимся этотъ такъ часто повторяющійся въ орѳографическомъ сводѣ законовъ союзъ!), въ видѣ исключенія изъ этого общаго правила, издавна (но когда именно и по примѣру ли все тогоже южно-славянскаго правописанія или же по измышленію русскихъ грамотеевъ?) принято писать съ буквою *і* слово *міръ*, когда оно значитъ то, что *свѣтъ* (mundus), и производныя отъ него: *мірской*, *всемірный*, *мірянинъ*. Для означенія же понятія, противоположнаго войнѣ пишутъ: *миръ*, *мировой*, *мирить* и проч.» Такимъ образомъ здѣсь въ Руководствѣ, какъ видите, никакого другаго основанія, кромѣ все тогоже деспота обычая, передъ которымъ раболѣпно преклоняются и этимологія и произношеніе: обычай, каковъ бы онъ ни былъ по существу, какой бы онъ ни былъ давности, какъ бы онъ

подчасъ ни тормозилъ школьное обученіе правописанію, все равно—неприкосновененъ въ настоящемъ и непоколебимъ въ будущемъ. Въ чомъ же наконецъ практическое значеніе подобныхъ изключеній, соблюдаемыхъ только ради традиціи? Кто, дѣйствительно, смотритъ на дѣло съ настоящей практической точки зрѣнія, тотъ невольно спроситъ: обычай ли существуетъ для людей или люди для обычая? орѳографія существуетъ для учащихся, или учащіяся для орѳографіи? и не слѣдуетъ ли упразднить все то, что безо всякой пользы для учащихся лишь обременяетъ ихъ и упраздненіе чего не нанесло бы ни малѣйшаго ущерба ни наукѣ, ни жизни? Чтобы нагляднѣе показать, какъ упраздненіе такого изключительнаго изключенія, какъ *миръ* (безъ точки) и міръ (съ точкой), само собою ведетъ и къ дальнѣйшему сокращенію правилъ, прочитаемъ далѣе изъ Акад. руков. строки четыре; но предварительно замѣтимъ, что на $^{2}/_{3}$ страницы относительно употребленія *і* съ точкой можно насчитать 5 правилъ; изключенія, краткости ради, относимъ также къ правиламъ, потому что для учащихся одинаково то и другое нужно понять, запомнить и привыкнуть примѣнять къ практикѣ. А какъ понять учащимся правило, въ родѣ нами разсматриваемаго теперь правила насчетъ *миръ* и *міръ*, если самъ учащій, не усматривая того *практическаго* значенія, которое тутъ указывается, какъ основаніе, и зная, что во всемъ Справочн. указателѣ такое основаніе приводится всего лишь одинъ единственный разъ, лишь ради этого единственнаго въ своемъ родѣ случая (см. стр. XVIII), если самъ учащій, говоримъ мы, не сумѣетъ объяснить этого правила. Но прочтемъ однако четыре строки, составляющія продолженіе этого правила о *миръ* и *міръ*. «Въ именахъ собственныхъ *Владиміръ*, *Житомиръ*, *Казиміръ*, производство которыхъ составляетъ спорный вопросъ, слѣдуетъ, на основаніи общаго орѳографическаго правила, и передъ послѣднею согласною писать *и*, а не десятеричное *і*». Прежде всего, по поводу отмѣны общеупотребительнаго и тоже издавна принятаго начертанія *Владиміръ*, возникаетъ само собою недоумѣніе

такого рода: если производство этого и подобныхъ именъ составляетъ спорный вопросъ, если мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ (см. выноску на той же 59 стр. *), на основаніи котораго слѣдуетъ писать *и*, а не *і*, только «гораздо правдоподобнѣе», но еще невполнѣ доказательно; то, казалось, слѣдовало бы, согласно съ общимъ характеромъ Академич. руководства, наоборотъ удержать обычное начертаніе впредь до рѣшенія спорнаго вопроса. Но этого мало; подводить подъ общее правило такія своеобразныя чисто славянскія сложныя собственныя имена несовсѣмъ удобно, и вотъ почему: при существованіи двоякаго начертанія *миръ* и *міръ*, общепринятое до сихъ поръ начертаніе собственнаго имени *Владиміръ*, наравнѣ съ аналогичнымъ именемъ *Всеволодъ*, вызываетъ представленіе о владѣющемъ, обладающемъ міромъ, вселенной; наоборотъ вновь вводимое Академіей начертаніе *Владимиръ* вызоветъ представленіе о владѣющемъ миромъ, соблюдающемъ миръ, покой, порядокъ, представленіе, согласное и съ образомъ Владиміра въ народныхъ былинахъ, гдѣ «Владиміръ—красное солнышко» рисуется княземъ, всего менѣе воинственнымъ, всего менѣе стремящимся къ славѣ и овладѣвающимъ ею (достаточно напомнить былину о *Калинѣ царѣ)*; слѣдовательно, и начертаніе *Владиміръ* и начертаніе *Владимиръ* должны быть признаны *одинаково неправильными* съ точки зрѣнія тѣхъ нѣкоторыхъ ученыхъ, мнѣніе которыхъ о произхожденіи имени Владиміръ Акад. руководство

*) Вотъ эта выноска. „Обыкновенно полагаютъ, что имя *Владимиръ* образовалось изъ глагола *владѣть* и слова *міръ*; по мнѣнію же нѣкоторыхъ (Миклошича, Морошкина, Куника), второе сущ. этого имени однозначаще съ окончаніемъ *славъ* многихъ славянскихъ именъ и заимствовано отъ готскаго mâri—знаменитый, что гораздо правдоподобнѣе“.

Если это мнѣніе ученыхъ и правдоподобно, думается профану, то едва ли доказательно: вторая часть имени миръ заимствована отъ готскаго mâri (Вольдемаръ), а первая часть (Влади) откуда? Почему же другія славянскія имена, какъ: Мстиславъ, Святославъ, Болеславъ, Вячеславъ, Ярославъ не являются въ видѣ: Мстимиръ, Святомиръ, Болемиръ, Вячемиръ, Яромиръ?— Наконецъ, если уже было имя Владиславъ, зачѣмъ могло понадобиться еще другое, совершенно тождественное съ нимъ по смыслу, но только съ готскимъ „окончаніемъ“—Владимиръ?

считаетъ гораздо правдоподобнѣе обоихъ сейчасъ приведенныхъ толкованій этого имени. Если, по этому мнѣнію, имя *Владимиръ* сближается съ иноземнымъ *Вольдемаръ*, причемъ вторая половина этого имени *миръ* соотвѣтствуетъ *маръ* (готски же mâri=знаменитый) и поэтому должно означать, подобно чисто славянскому имени *Владиславъ*: «владѣющій славою», то, согласно съ этимъ третьимъ новымъ толкованіемъ, должно придумать и третье новое начертаніе; если готскому *a* (въ словѣ mâri) можетъ соотвѣтствовать *е*, то слѣдуетъ писать *Владимеръ*, подобно Несторовскому *Володимеръ* (для произношенія же *е* и *и* безразличны, такъ какъ на эту вторую часть сложнаго имени удареніе никогда не падаетъ); если это окажется неосновательнымъ, можно для такого чрезвычайнаго случая употребить нейтральное средство, именно: возкресить *ижицу* и писать такъ Владимѵръ *). Моя рѣчь опять, помимо воли, начинаетъ принимать шутливый тонъ, но говорить совершенно серьезно объ орѳографическихъ мелочахъ и дрязгахъ едва ли возможно тому, кого болѣе десяти лѣтъ преслѣдуетъ одна неотвязная мысль, развивавшаяся не безъ вліянія одной книги («Филолог. Разысканія» томъ 2) и окрѣпшая подъ давленіемъ другой книги того же составителя, но книги инаго направленія («Русское Правописаніе»), мысль объ упрощеніи орѳографіи ради малыхъ сихъ, вполнѣ возможномъ черезъ устраненіе всѣхъ подобныхъ орѳографическихъ дрязгъ. Такъ и въ данномъ слу-

*) А какъ писать: Богомиръ, Остромиръ, Соловей Будимировичъ? Какъ писать не столь уже рѣдкостную, какъ сейчасъ приведенныя имена, фамилію Тихомировъ (тихій *міръ*—съ точкой, или тихій *миръ*—безъ точки—скрывается подъ этой фамиліей? или, можетъ быть, и здѣсь, вторая часть позаимствована отъ готскаго mâri?); если писать, какъ принято, *Тихомировъ* (изрѣдка впрочемъ встрѣчается и *Тихомѣровъ*), то выходитъ черезчуръ мудреная тавталогія: тише тишины или, по крайней мѣрѣ, тихая тишина.— Что же до *Житомира*, то года полтора или два тому назадъ, какъ сообщали газеты, въ Волынской губерніи, въ виду того, что нѣкоторыя учрежденія губерніи соблазнились академическимъ правописаніемъ, послѣдовало административное разпоряженіе изображать названіе губернскаго города согласно съ начертаніемъ его въ Сводѣ Законовъ—*Житомѣръ*. Такимъ образомъ вмѣсто единообразія получается двообразіе!

чаѣ позвольте упразднить двоякое начертаніе: *миръ* и *міръ*, и спорный вопросъ сразу разрѣшится, и всѣ Владиміры (съ точками) обратятся во Владимировъ (безъ точекъ), и первый я, вышеподписавшійся пока Владиміромъ; ранѣе уже заявлено было о готовности претерпѣть это несовсѣмъ легкое на склонѣ лѣтъ превращеніе, но не иначе, какъ при отмѣнѣ начертаній *миръ* и *міръ*; и многаго ли стоитъ такая отмѣна: пишемъ же теперь мироваренiе (вм. недавняго мѵроваренія) и умиротвореніе; вѣдь всего одинъ маленькій шагъ и до— «сотворенія мира» (а не міра). Учащіяся же были бы избавлены сразу отъ двухъ правилъ о буквѣ *і* (изъ числа 5, на которыя было уже выше указано): 1) отн. миръ и міръ, 2) отн. Владиміръ и Владимиръ. Кто далекъ отъ чорной школьной работы, тотъ не повѣритъ, что всегда найдется не одинъ изъ малыхъ сихъ, и не изъ числа малоспособныхъ, который никакъ не можетъ запомнить, гдѣ писать *і*, а гдѣ *и*; въ самомъ дѣлѣ: на что опереться памяти? пиши *міръ*, когда знач. свѣтъ, а *миръ*, когда знач. тишина; но почему же не наоборотъ; другое дѣло, еслибы подобныхъ словъ было много; тогда возможно было бы обобщеніе, въ родѣ слѣд.: пиши *и*, если собственное значеніе, если же переносное, то *і*. Но бѣда для ребячьихъ головъ и заключается именно въ исключительномъ характерѣ этихъ одинокихъ орѳографическихъ бобылей (такихъ случаевъ, требующихъ отдѣльнаго для себя толкованія, наберется довольно; напомнимъ для примѣра слова: *склянка*, *колачъ*, *вядчина*, *затменіе*, *сертукъ* и т. п., или: растеніе и выростокъ, равнина и ровный, рѣчь и изреченіе; одѣваться и одежда и т. п.).

4. Предыдущія три образчика упрощенія касались то приставокъ (предлоги воз, из, низ, раз), то корней (миръ, міръ и Владиміръ), то вообще различныхъ составныхъ частей: и корней, и суффиксовъ, и окончаній (въ словахъ съ ударяемымъ *о* послѣ шипящихъ и свистящей *и*), теперь укажемъ два образчика, касающіяся окончаній, начертанія которыхъ поучительны не менѣе, чѣмъ три уже разсмотрѣнныя случая. Первый изъ 2-хъ образчиковъ имѣетъ въ виду окончаніе при-

лагательныхъ полныхъ въ имен. пад. множ. числа. Какъ бы кому ни показалось это страннымъ, но мы, на основаніи 32-лѣтняго опыта заявляемъ, что нѣкоторымъ изъ учащихся даже старшаго возраста, пишущимъ вообще почти безукоризненно, не дается никакъ отличіе окончаній мужск. рода: *ые* и *іе* отъ окончаній ж. и ср. р. *ыя* и *ія*, такъ что они иной разъ способны написать: первы*е* лица изъ гражданъ, или даже такъ: умны*е* и добры*я* дѣти; можно подумать, что примѣненію къ практикѣ ихъ теоретическихъ свѣдѣній насчотъ различія этихъ окончаній, свѣдѣній вполнѣ доступныхъ самому послѣднему изъ учениковъ, мѣшаетъ какое-то чутье, подсказывающее неосновательность самой теоріи, допускающей въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, ненужную орѳографическую роскошь. Неужели, возкликнетъ иной изъ читателей, даже такое важное различіе въ окончаніяхъ прилагательныхъ вы серьезно считаете ненужною роскошью? Если порой, отвѣчу я такому читателю, и срывается съ пера шутка, то виною тому именно эта роскошь орѳографіи, разточающей свои правила и изключенія до забвенія даже цѣли, для которой сама орѳографія существуетъ,— служить однимъ изъ орудій просвѣщенія, а не тормозомъ его. Въ неосновательности этого правила о различіи оконч. множ. числа прилагательныхъ мы вполнѣ серьезно убѣждены и вотъ на какомъ вполнѣ серьезномъ, думается намъ, основаніи. Если одною изъ главныхъ органическихъ особенностей высшаго типа языковъ является ихъ способность измѣненіемъ окончаній выражать разнообразныя отношенія словъ въ рѣчи, отчего имъ дано и самое названіе языковъ флектирующихъ или флективныхъ, если въ ранній періодъ своего развитія эти языки отличаются богатствомъ и разнообразіемъ своихъ этимологическихъ формъ, то въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи замѣчается постепенное ослабленіе и даже утрата многихъ формъ, постепенное подчиненіе этимологіи синтаксису. Такъ, французскій языкъ утратилъ совсѣмъ свои склоненія, нѣмецкій пробавляется очень немногими падеж-

ными формами; нечего и говорить объ аглицкомъ *), который, благодаря смѣшенію изъ двухъ элементовъ, разтерялъ и склоненія и спряженія; относительно формъ спряженій, и русскій языкъ, довольствующійся и въ изъявительномъ и условномъ наклоненіяхъ обломкомъ сложнаго прошедшаго, въ видѣ причастія, неспособнаго имѣть личныя флексіи, недалеко ушелъ отъ аглицкаго; но за то русскій языкъ богатъ формами склоненій (въ склоненіяхъ, пожалуй, онъ поспоритъ съ классическими языками). При всемъ однако богатствѣ падежныхъ окончаній не всѣ они одинаково рельефны и устойчивы, особенно у прилагательныхъ; благодаря преобладанію гласныхъ и отсутствію въ большинствѣ случаевъ ударенія на нихъ, окончанія прилагательныхъ скрадываются при произношеніи; это именно обстоятельство препятствуетъ учащимся скоро и прочно усвоивать начертанія тѣхъ падежей прилагательныхъ, различіе которыхъ сглаживается произношеніемъ, какъ напр. твор. и предл. п. ед. ч. муж. и ср. р. (до́бр*ымъ*, о до́бр*омъ*) вин. и творит. п. ед. ч. женск. р. (до́бр*ую*, до́бр*ою*). Къ числу такихъ окончаній относятся, конечно, и окончанія имен. п. множ. числа; но если начертанія вышеуказанныхъ падежей единств. ч., несмотря на вліяніе слуха, сбивающаго съ толку пишущихъ, твердо обоснованы самымъ образованіемъ прилагательныхъ полныхъ изъ краткихъ, то окончаніе *ые*, *іе* муж. р. не имѣетъ подъ собою этого этимологическаго основанія, ибо мѣстоименіе указательное, съ участіемъ котораго образовалось склоненіе прилагат. полныхъ въ имен. п. мн. ч. муж. р. является въ формѣ *и*, а не *е;* въ старо-славянскомъ мы и видимъ: божи*и*, въ ново-слав. божі*и*, добрі*и* (а не добры*е*); но и въ русскомъ есть немало прилагательныхъ полныхъ на *ій*, которыя въ имен. мн. муж. имѣютъ также не *е* а *и*, какъ напр.: божій, божіи (или съ обычнымъ въ русск. языкѣ сокращеніемъ *и* въ ъ) божьи люди, вражьи ковы, волчьи зубы и т. п. Такимъ образомъ мо-

*) Начертаніе *англійскій* слишкомъ разходится съ чисто русскимъ произношеніемъ; буквальное же произношеніе „англійскій“ (съ удареніемъ на 2-мъ слогѣ) слишкомъ искусственно; (сл. нѣмецкій, турецкій).

гутъ быть два изхода. Первый изходъ—этимологическаго характера, именно: окончаніе *іи* (въ твердомъ склон. было бы *ыи*), существующее въ сокращеніи для прилагательныхъ только извѣстнаго разряда, сдѣлать общимъ для всѣхъ прилагательныхъ въ муж. родѣ (изрѣдка и ненарокомъ, замѣчу въ скобкахъ, оконч. *ыи*, *іи* встрѣчаются у тѣхже учениковъ, не поладившихъ съ окончаніями *ые*, *іе*). Если же такое разпространеніе, въ угоду этимологіи, оконч. муж. р. *ыи* и *іи* оказалось бы несовсѣмъ удобнымъ, то слѣдовало бы прибѣгнуть къ другому изходу. Такъ какъ на конечную гласную ни въ одномъ падежномъ окончаніи прилагательныхъ полныхъ не падаетъ удареніе, то, нисколько не обижая произношенія, для котораго въ данномъ случаѣ любое начертаніе безразлично, очень удобно принять одно огульное окончаніе для всѣхъ трехъ родовъ, именно: оконч. женск. и ср. р. *ыя* и *ія* (число случаевъ употребленія формъ ж. и ср. рода, вмѣстѣ взятыхъ, составляетъ, конечно, большинство сравнительно съ числомъ формъ одного только муж. рода), какъ уже пытались вводить его, въ силу рѣшенія орѳографическаго конгресса 1862 г.; если попытка не удалась, то главнымъ образомъ потому, что не встрѣтила, какъ это часто бываетъ, должной оцѣнки и поддержки даже со стороны лицъ, которыя, казалось бы, должны были быть прямо заинтересованы въ вопросѣ о возможности упрощенія орѳографіи. Принять такое общее для всѣхъ родовъ окончаніе—разъ затерялось настоящее этимологическое въ муж. родѣ—было бы удобно и потому 1) что оно вполнѣ соотвѣтствовало бы однообразію косвенныхъ падежей множ. числа, совершенно одинаковыхъ для всѣхъ трехъ родовъ; 2) потому что оно соотвѣтствовало бы одному общему для всѣхъ родовъ окончанію прилагательн. краткихъ: *ыя*, *ія* и параллельно—*ы*, *и* (добрыя, искреннія; добры, искренни). Съ синтаксической точки зрѣнія, относительно согласованія никакого замѣшательства отъ такого обобщенія окончаній, конечно, не произойдетъ, какъ не происходитъ его теперь отъ однообразія всѣхъ остальныхъ формъ прилагательн. множ. числа. Но удобство этимъ

не ограничивается. – Однако, прежде чѣмъ перейду къ указанію другихъ полезныхъ въ орѳографическомъ отношеніи послѣдствій отъ этого 4-го образчика упрощенія, обращусь, какъ и относительно первыхъ трехъ образчиковъ упрощенія, къ Акад. руководству. Какъ прежде, такъ и теперь, мы не найдемъ, конечно, ничего утѣшительнаго для себя; ибо заранѣе увѣрены, что встрѣтимся съ обычнымъ роковымъ «издавна», этимъ неумолимымъ veto, заграждающимъ уста и, какъ Дантовская надпись, отнимающимъ всякую надежду на какую-либо перемѣну къ лучшему въ ближайшемъ будущемъ. Вотъ что читаемъ на стр. 38 й, въ параграфѣ 38-мъ: «—*ые*, *ыя*—*іе*, *ія*, въ прилагательныхъ. Правило отличать въ этихъ окончаніяхъ мужескій родъ буквою *е* отъ женскаго и средняго, которымъ въ удѣлъ предоставлено *я*, основывается на установившемся *издавна* соглашеніи». И ничего болѣе! Здѣсь однако невольно обращаетъ на себя вниманіе въ прежнихъ цитатахъ не встрѣчавшееся слово *соглашеніе*. Является самъ собою рядъ вопросовъ: quis? quomodo? quando? cur? quibus auxiliis?— Когда же именно пришли къ этому соглашенію? кто именно: позднѣйшія ли ученыя спеціалисты, или старинныя грамотеи-начетчики? изъ какихъ побужденій возникло стремленіе къ соглашенію и на какихъ основаніяхъ установилось оно: чисто научныхъ, теоретическихъ или просто практическихъ? отчего соглашеніе не коснулось кстати и вопроса о различеніи въ множ. ч. женск. рода отъ средняго? Все это вопросы крайне интересныя вообще и важныя для нашей цѣли; но, къ сожалѣнію, и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, отвѣтомъ служитъ безмолвная точка. Но, не приходя пока въ отчаяніе, поставимъ ещо нѣсколько вопросовъ. Если когда-то прежде было возможно соглашеніе, почему же и теперь не быть соглашенію? если какія-то грамотеи додумались до изобрѣтенія искусственнаго окончанія тамъ, гдѣ естественное съ теченіемъ времени ослабѣло и затерялось, то отчего же теперь не попытаться или возстановить его согласно съ этимологіей, или, ради практической выгоды, хотя бы тоже искусственно обобщить его съ другими ана-

логичными окончаніями? Почему же наконецъ авторитетъ невѣдомыхъ старинныхъ грамотеевъ долженъ быть для насъ уважительнѣе, чѣмъ авторитетъ позднѣйшихъ педагоговъ-спеціалистовъ, участвовавшихъ въ засѣданіяхъ петербургскаго орѳографическаго конгресса 1862 года?—Если бы, позволимъ себѣ такое предположеніе, тоже издавна (въ старину было, вѣдь, гораздо больше досуга для орѳографическихъ измышленій) состоялось соглашеніе отличать, наприм., при помощи окончанія ъ женскій родъ отъ мужескаго въ такихъ фамильныхъ именахъ, въ которыхъ безъ прибавки слова *господинъ* или *госпожа* нельзя разпознать рода, какъ напр.: Абрамовичъ и Абрамовичъ, Буличъ и Буличъ, Мицкевичъ и Мицкевичъ и т. д. подобно тому, какъ это принято въ нарицательныхъ именахъ (плачъ, мечъ, печь, рѣчь); то и это различеніе на письмѣ, въ практическомъ отношеніи, если хотите, гораздо болѣе нужное, чѣмъ особое окончаніе для имен. над. множ. ч. муж. рода прилагательныхъ, родъ которыхъ вообще легко узнается по формѣ ихъ существительныхъ, конечно, тоже нашло бы себѣ приверженцевъ, даже среди учащихъ, между которыми, къ сожалѣнію, нерѣдкость встрѣтить любителей орѳографическихъ правилъ; иначе чѣмъ же объяснить то равнодушіе, съ которымъ обыкновенно встрѣчается предложеніе того или другаго упрощенія въ правописаніи, хотя бы самаго скромнаго и безобиднаго (что я поставилъ на видъ въ самомъ началѣ моего разсужденія). Ваше предположеніе, скажутъ, не что иное, какъ плодъ вашей фантазіи, но, прибавлю, во всякомъ случаѣ не праздной, а опирающейся на тотъ принципъ различенія, къ которому, во избѣжаніе воображаемой двусмысленности, такъ произвольно и такъ часто прибѣгаютъ, что невольно приходится разпространяться и повторяться по поводу этого принципа.—Однако вернемся къ тѣмъ другимъ полезнымъ послѣдствіямъ отъ упраздненія особаго окончанія для множ. ч. муж. рода прилагательныхъ, о чомъ мы заговорили было выше. При существованіи этого особаго окончанія *ые* и *іе*, кромѣ главнаго правила, касающагося самого окончанія, необходимы

ещо *четыре*, даже *пять* частныхъ. Первое—для разпознаванія по родительному падежу рода существительныхъ, употребительныхъ только во множ. числѣ (pluralia tantum), чтобы знать, какъ писать: желѣзные или желѣзныя клещи, щипцы? пустые или пустыя щи? синіе или синія очки? простые или простыя будни? Второе – въ какомъ родѣ ставить прилагательное, относящееся къ группѣ существительныхъ разныхъ родовъ, напр. бараны, овцы и ягнята, бродившія или бродившіе по лугу? Третье – какъ согласовать прилагательное съ существительнымъ *общаго* рода, напр. «почетные или почетныя *лица* изъ тѣхъ гражданъ, которые были гласными думы?» По поводу этого третьяго правила мы находимъ въ Акад. руководствѣ слѣдующую замѣтку: «При словѣ *лица*, когда подразумѣвается мужской полъ, многіе ставятъ прилагательное или мѣстоим. въ мужескомъ родѣ и пишутъ напр. лица, которые; но они забываютъ, что тутъ дѣло идетъ только о *грамматическомъ* родѣ, и что если мы говоримъ *то* лицо, лицо, *которое*, то нѣтъ основанія и во множ. числѣ отступать отъ общаго закона согласованія». Многія изъ числа уже обучившихся, дѣйствительно, забываютъ о томъ, что *грамматическій* родъ и *естественный* родъ т.-е. полъ не одно и тоже въ орѳографіи—и гдѣ же упомнить всѣ подобныя мелочи, которыя висятъ подчасъ на такомъ тонкомъ волоскѣ, какъ искусственное отличіе имен. падежа множ. ч. муж. рода прилагат. (а гдѣ тонко, тамъ и рвется); особенно трудно профанамъ помнить такія тонкости, въ сущности обязательныя лишь для спеціалистовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда смыслъ отъ несоблюденія этой тонкости нисколько не страдаетъ, какъ въ вышеприведенномъ нашемъ примѣрѣ на слово: лица. Но разъ попали вы въ сѣть орѳографическихъ тонкостей, нескоро изъ нея выпутаетесь, и за третьимъ должно послѣдовать четвертое правило или, что все равно, изключеніе изъ третьяго; въ Акад. руководствѣ этотъ случай не предусмотрѣнъ, но онъ заслуживаетъ не менѣе вниманія, какъ и согласованіе прилагат. съ существ. общаго рода (лица, особы, сироты, плаксы). Разумѣемъ мы тотъ случай, когда, наобо-

ротъ, естественному роду или полу отдается предпочтеніе передъ грамматическимъ, иными словами, когда согласованіе по *формѣ* уступаетъ мѣсто согласованію по *смыслу*, а потому требуется писать: храбрые, опытные воеводы (по формѣ сущ. женск. рода, въ единств. ч. воевода), умные городскіе головы (въ ед. ч. голова), усердные сельскіе старосты (въ ед. ч. староста). Здѣсь, скажутъ намъ, не смотря на женск. родъ по формѣ, такъ ясенъ по смыслу муж. родъ, что едва ли можетъ быть сомнѣніе насчетъ письма. Возможность сомнѣнія прямо вытекаетъ изъ предыдущаго правила относительно именъ общаго: въ приведенномъ примѣрѣ «почетныя лица изъ гражданъ» естественный родъ не менѣе ясенъ, однако требуютъ согласовать съ грамматическимъ. По народному синтаксису, замѣтимъ кстати, возможно прямо противоположное согласованіе напр. «моя вѣрная слуга» (говоря о мужщинѣ), а также и по дѣтскому, напр. «къ намъ какая-то мужщина пришла». Въ подобныхъ противорѣчіяхъ сказываются слѣды борьбы за существованіе между естественнымъ и грамматическимъ родами. Какъ бы то ни было, но четвертое правило необходимо для учащихся. А какъ правильнѣе писать: глупые или глупыя телята (при единств. ч. глупый теленокъ), послушные или послушныя ребята (при единств. ч. послушный ребенокъ)? вопросы, которыя намъ приходилось слышать отъ учениковъ старшаго возраста (между ними всегда найдутся тоже любители орѳографическихъ мелочей и тонкостей). Объ этомъ случаѣ, подающемъ поводъ къ сомнѣнію, тоже не упоминается въ Акад. руководствѣ, которое ограничивается указаніемъ только на слово *дѣти*, подводимое подъ одно правило съ словомъ *лица*. Отвѣтъ на вышеприведенныя вопросы учениковъ будетъ въ родѣ слѣдующаго: «независимо отъ един. ч., въ которомъ имена маленькихъ животныхъ имѣютъ муж. родъ, эти имена во множ. числѣ по формѣ средняго, а по смыслу общаго рода, а потому и въ оконч. прилагат. будетъ *я*»*). Этотъ отвѣтъ составитъ

*) Ради пущей доказательности можно присовокупить и сближеніе съ ц.-славянскимъ: „въ ц.-сл. названія маленькихъ животныхъ вообще средняго

пятое правило. Итакъ одно главное и пять частныхъ правилъ, всего *шесть*, и это далеко не единственный случай, и это-ли не казуистика! И вся эта совершенно безплодная, мертвящая живой умъ, требующая немало времени и силъ казуистика улетучится изъ школы, какъ только найдется благожелательный для малыхъ сихъ авторитетъ изъ ученыхъ спеціалистовъ, который скажетъ свое рѣшающее слово объ упраздненіи особаго окончанія для мужск. рода въ одномъ единственномъ падежѣ множественнаго числа! Хоть бы вспомнили о Ломоносовѣ, который позволялъ писать во всѣхъ родахъ или *я* или *е* безразлично (см. Россійск. Граммат. § 112, стр. 54, изд. 5-ое 1788 г.). Но оставимъ мечты и перейдемъ къ дѣйствительности, къ тому орѳографическому случаю, котораго касается нашъ пятый образчикъ упрощенія.

5. Здѣсь на очереди стоитъ тоже важное для практики падежное окончаніе, но уже не прилагательныхъ, а существительныхъ. Начать нужно съ разсмотрѣнія фонетическаго вопроса объ одномъ случаѣ уподобленія гласныхъ, случаѣ, какъ намъ думается, весьма сомнительномъ, о которомъ въ учебникахъ грамматики или вовсе не говорится или вскользь упоминается. Такъ въ Учебникѣ русск. граммат. Ѳ. Буслаева (изд. 1889 г.) въ § 14 находимъ слѣд.: «При стеченіи гласныхъ языкъ устрояетъ благозвучіе слѣд. средствами: 1) *уподобленіемъ* (или ассимиляціею) звуковъ. Въ древн. цсл. яз. въ склоненіи прилагат. полныхъ: **добра-ѥго, доброу-оумоу** и проч. вм. первоначальныхъ: **добра-ѥго, доброу-ѥмоу** (§§ 54 и 77)». Изъ русскаго языка никакого примѣра на уподобленіе не приведено, слѣд. мы въ правѣ заключить, что оно есть особенность только цслав. языка. Но въ учебникѣ Льва Поливанова Русск. и цсл. этимологія 9-ое изд. 1887 стр. 14 говорится такъ: «Стеченіе различныхъ гласныхъ въ обоихъ

рода (ослѧ, ослѧта; прасѧ, прасѧта); въ русскомъ же языкѣ эти существительныя въ единств. ч. образуются отъ основы съ разложившимся юсомъ: *ослен* + суфф. *ок* и оконч. муж. р. ъ (осленокъ), а во множ. ч. удерживаютъ ц.-слав. средн. родъ и ц.-слав. нарощеніе *ѧт* съ замѣной *я* носоваго простымъ (ослята).

(sic!) языкахъ устраняется: А) уподобленіемъ т. е. измѣненіемъ втораго звука въ первый (**добра-ıего—добра-аго**, о Василіѣ—о Василіи) или перваго во второй (**рождь-н—рожди-н**)». Въ первомъ же изданіи 1867 г. того же самаго учебника въ § 15 стр. 10, гдѣ рѣчь идетъ объ уподобленіи, вовсе нѣтъ прибавки «въ обоихъ языкахъ», примѣръ приведенъ только изъ цслав. яз. (русскіе же примѣры скрываются ещо въ выноскахъ къ §§ 132: о Василіи вм. Василіѣ, 135: о знаменіи вм. знаменіѣ, 138: о Маріи вм. Маріѣ). Наконецъ въ самомъ Академическ. руководствѣ, въ I его части «Основныя черты русской фонетики», именно въ § 20, гдѣ на 7 страницахъ подробно разсматривается вопросъ объ уподобленіи вообще, нѣтъ даже ни малѣйшаго намека на уподобленіе звука *е* (ѣ) звуку *и* (і). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о недоумѣніи, почему наприм. **добраго** будетъ благозвучнѣе, чѣмъ **добраıего** (особенно, если принять во вниманіе, что *е* іотированное), когда причина неблагозвучнаго зіянія т. е. стеченіе рядомъ двухъ гласныхъ остается въ своей силѣ; мы поставимъ на видъ другое болѣе важное для нашей цѣли недоумѣніе: если уподобленіе есть фонетическій законъ, то почему же тотъ случай уподобленія, когда зв. *е* (изображаемый въ предложн. падежѣ черезъ *ѣ*) долженъ по грамматикѣ измѣняться въ зв. *и*, подъ вліяніемъ ему предшествующаго звука *и* (і), напр. о Василіи вм. Василіѣ, рѣшительно нигдѣ въ произношеніи не даетъ себя чувствовать въ русскомъ языкѣ? Отвѣтъ, по нашему мнѣнію, очень простъ: потому и не даетъ себя чувствовать, что этого уподобленія звуку *и* звука *е* въ русскомъ языкѣ нѣтъ да, по всей вѣроятности, никогда и не было; это уподобленіе внесено въ русскій языкъ, такъ сказать, заднимъ числомъ: цслав. формы *о Василіи, о Маріи, о знаменіи*, употребительныя наравнѣ съ чисторусскими *о Василѣ, о Марѣ, о знаменѣ*, подали поводъ грамматистамъ по начертанію цславянскому заключить о произношеніи русскомъ, якобы уподобляющемъ звуку *и* звукъ *е* (ѣ); на самомъ же дѣлѣ, въ произношеніи, какъ нарочно, ни тотъ, ни другой звукъ за отсутствіемъ ударенія никогда не

слышатся, за изключеніемъ развѣ только 2-хъ словъ: *о житіи, о бытіи*. Если это такъ, то и пишите цслав. окончаніе *іи* въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ оно слышится; но не навязывайте на основаніи этого цслав. окончанія русскому языку несвойственнаго ему уподобленія; для устраненія стеченія гласныхъ въ этомъ случаѣ (какъ и въ другихъ аналогичныхъ, напр. вм. жизнію—жизнью, вм. мыслію—мыслью) русскій языкъ поступаетъ рѣшительнѣе и проще,—прямо сокращаетъ звукъ *и* въ *ь*, причемъ въ предложн. падежѣ, конечно, является и его привиллегированный флективный знакъ *ѣ*, на который въ двусложныхъ отглагольныхъ существит. средн. рода падаетъ удареніе наравнѣ съ окончаніями всѣхъ прочихъ падежей единств. числа (во множ. ч. такія существ. не употребительны), какъ напр.: «разскажите-ка о вашемъ житьѣ-бытьѣ». Но грамматическая теорія, разъ поддавшись изкушенію, разпространила изобрѣтенное ею уподобленіе и на такія чисторусскія формы, какъ: на перепутьѣ и въ захолустьѣ, не замѣчая того, что самый звукъ, который долженъ, по ея мнѣнію, требовать уподобленія, изчезъ почти безъ слѣда, замѣнившись беззвучнымъ въ отдѣльности мягкимъ знакомъ. Отсюда элементарныя учебники милостиво разрѣшаютъ въ предл. падежѣ, но только именъ средняго рода (почему разрѣшеніе не простирается на муж. и женск. р., объ этомъ, какъ и всегда въ подобныхъ сомнительныхъ орѳографич. случаяхъ, благоразумно умалчивается) писать двояко, смотря по личному вкусу, или *ѣ* или *и*, напр.: въ ученьѣ или въ ученьи, при этомъ наивно (конечно, ради малыхъ сихъ) прибавляется: «если на окончаніи пѣтъ удареніе» (см. напр. Кратк. учебн. русск. граммат. Поливанова § 30); было бы крайне любопытно, если бы кто нибудь, въ пылу увлеченія все тѣмже воображаемымъ уподобленіемъ, разрѣшилъ двоякое начертаніе даже относительно окончаній съ удареніемъ—пиши, какъ хочешь: или о житьѣ-бытьѣ или о житьи-бытьи. Что же до Академ. руководства, то оно хотя, согласно своему общему, такъ сказать, консервативному характеру, и относительно фиктивнаго въ русск. языкѣ упо-

добленія не составляетъ изключенія; но почему-то обращаетъ особенное вниманіе на тотъ случай, когда самая причина уподобленія отсутствуетъ, т. е. при сокращеніи *и* въ *ь* (конечно, по общему примѣру, относительно именъ только средн. рода) и вдается при этомъ въ такія мелочныя тонкости, которыя не только ученика, но и учителя поставятъ втупикъ. Страннымъ кажется самый вопросъ, которымъ начинается разсужденіе объ этомъ частномъ, не имѣющемъ подъ собою никакого ни теоретическаго, ни практическаго основанія случаѣ; неужели можно, спрашиваешь себя, серьезно сомнѣваться: «писать ли о здоровьѣ, въ счастьѣ, на безлюдьѣ, въ кушаньѣ, въ имѣньѣ, или о здоровьи» (стр. 67). Если бы ко мнѣ, какъ учителю, съ подобнымъ вопросомъ обратился ученикъ, уже знающій главное правило объ окончаніи предложн. падежа, то такой ученикъ былъ бы мною по-Ломоносовски «сильно репримендованъ» за свое праздное любопытство. Но Академ. руководство, наравнѣ съ прочими руководствами, считая такія вопросы заслуживающими вниманія, разъясняетъ его слѣдующ. образомъ: «И здѣсь, какъ въ именахъ муж. рода (объ нихъ было сказано нѣсколько выше на стр. 66) *нѣкогда* являлось только окончаніе на *и*; во *многихъ* случаяхъ эта старая форма уцѣлѣла и въ нынѣшнемъ языкѣ (не въ языкѣ, а въ правописаніи развѣ), но рядомъ съ нею употребляется при сокращеніи *і* въ *ерь*, обыкновенная (слѣд. форма на *и* не обыкновенная?) форма предложн. падежа именъ ср. рода на *о* и *е*, т. е. окончаніе *ѣ*. Мы говоримъ исключительно: о *копьѣ*, при *ружьѣ*, въ *платьѣ* (т. е. какъ же? неужели въ платьѣ, какъ при ружьѣ?), о *житьѣ-бытьѣ*, но *говоримъ* (sic!) двояко: въ *забытьи* и въ *забытьѣ*, на *новоселью* (?!), о *здоровьи* (?!) и на *новосельѣ* (?!) о *здоровьѣ*(?!). Въ предложномъ п. отглагольныхъ именъ на *ніе* (почему же слѣдующія за симъ примѣры всѣ съ оконч. *ньѣ*?), какъ напр. *описаньѣ, недоумѣньѣ, окончаньѣ, размышленьѣ, воскресеньѣ*, окончаніе *ѣ* употребительно развѣ только въ стихахъ» (стр. 67). Эти немногія строки вызываютъ *четыре* недоумѣнія, на нашъ взглядъ далеко немаловажныя. Первое вызы-

вается загадочнымъ «нѣкогда», ещо болѣе неопредѣленнымъ, чѣмъ обычный припѣвъ «издавна», и это «нѣкогда», намекая на давность ещо болѣе отдаленную, ещо менѣе оказывается убѣдительнымъ. Смѣшеніе правописанія съ языкомъ является поводомъ ко второму недоумѣнію: если когда-то и въ муж. и въ ср. родѣ, не смотря на отсутствіе основанія для уподобленія, тѣмъ не менѣе писали о Васи*льи*, о счаст*ьи*, то или писали по аналогіи съ начертаніями: о Васи*ліи*, о счас*тіи* (а, можетъ быть, что ещо проще, по грамматическому невѣжеству) или подъ вліяніемъ произношенія, хотя послѣднее предположеніе едва ли можно допустить, принимая во вниманіе невозможность произношенія предл. падежей о Васильи, о счастьи съ удареніемъ на оконч. *и*; но какъ бы тамъ ни было въ незапамятныя времена, въ нынѣшнемъ же русскомъ языкѣ, какъ легко каждому убѣдиться по личнымъ наблюденіямъ, подобнаго произношенія не существуетъ, какъ не существуетъ и навязываемое нынѣшнему русскому языку уподобленіе звука *е* (ѣ) не только самому звуку *и*, но даже еле замѣтной тѣни его *ерю*; а потому, хотя старая форма и въ нынѣшнемъ правописаніи по недоразумѣнію уцѣлѣла и даже во «многихъ» случаяхъ, изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы это недоразумѣніе оставалось и на будущее время. Третье недоумѣніе: зачѣмъ, отстаивая во что бы то ни стало традицію мертвой буквы, ссылаться на произношеніе именно тамъ, гдѣ это произношеніе нисколько не оправдываетъ этой традиціи: если «мы говоримъ исключительно» о жить*ѣ*-быть*ѣ*, напримѣръ, то это прямо доказываетъ, что фонетика русскаго языка обнаруживаетъ рѣшительную склонность къ звуку *е* (ѣ) всякій разъ, какъ только на оконч. предл. падежа падаетъ удареніе, причемъ въ именит. и въ твор. над. сказывается и другая чисто русская особенность и тоже подъ вліяніемъ ударенія—переходъ *е* въ *ё*; что же до якобы двоякаго произношенія предложн. падежей отъ такихъ словъ, какъ: *новосе́лье* или *здоро́вье*, то здѣсь за отсутствіемъ ударенія, которое обыкновенно въ подобныхъ многосложныхъ словахъ остается во всѣхъ падежахъ на вто-

ромъ отъ конца слогѣ (недоумѣнье, размышленье возвращенье и т. д.), не только двоякаго, но даже никакого яснаго произношенія не слышится; едва ли не единственнымъ исключеніемъ является предл. пад. въ забытьѣ и забытьи (можетъ быть, благодаря трехсложному составу, такъ какъ въ аналогичныхъ съ нимъ двусложныхъ отглагольныхъ именахъ, какъ: житье, бытье, вытье, нытье, мытье и др. всегда ясно слышится одно единственное окончаніе *е* (ѣ)). Въ четвертыхъ, въ руководствѣ, предназначаемомъ прежде всего, конечно, для прозаиковъ, какими оказываются обучающіяся грамотному письму, особенно странное впечатлѣніе производитъ, какъ новый аргументъ, ссылка на стихи, когда ради риѳмы допускаются даже такія уклоненія, какъ: *милова* и *другова*; но въ данномъ случаѣ, когда никакого двоякаго произношенія не существуетъ, для риѳмы совершенно безразлично, будетъ ли начертаніе *ѣ* или *ъи*; такъ напр. въ ком. *Горе отъ ума* д. III явл. 14 (сцена между Софьей и Г. N) вы найдете: (какъ разъ наперекоръ замѣчанію Академ. руководства): «въ размышленьи», а въ риѳму къ этому слову — «по возвращеньи» (изд. кн. магаз. «Новаго времени» Спб. 1880 г. стр. 119); напишите: въ размышленьѣ, по возвращеньѣ, созвучіе отъ этого ни на волосъ не измѣнится. Но довольно: всѣ подобныя тонкія доказательства pro и contra относительно какого-нибудь одного неважнаго случая могутъ профану показаться чуть не смѣшными; но не до смѣха ученикамъ и ихъ учителю; послѣдній долженъ втолковать, а первыя взять въ толкъ и усвоить слѣдующія правила: 1) главное правило о буквѣ *ѣ*, какъ флективномъ знакѣ предл. падежа, 2) частное — о буквѣ *и*, какъ замѣнѣ буквы *ѣ* при уподобленіи, ни для какого самаго тонкаго слуха нечувствительномъ, во всѣхъ трехъ родахъ, 3) ещо болѣе частное объ обратной замѣнѣ буквы *и* буквою *ѣ*, въ случаѣ сокращенія предшествующаго *і* въ *ъ*, но только въ муж. и женск. родѣ; что же до средняго то оказывается 4) ещо болѣе частное правило, по своей неопредѣленности, такъ часто встрѣчающейся на страницахъ всѣхъ учебниковъ, а также и Акад. руководства, особенно

затруднительное для учащихся: и старая форма *ъи* во многихъ случаяхъ (какихъ именно, умалчивается) уцѣлѣла, и рядомъ съ ней употребляется обыкновенная форма *ъ* (когда именно, опять ни слова). Надо быть школьнымъ учителемъ, чтобы воочію убѣдиться въ томъ, какъ сильно парализируетъ и ясное пониманіе, и прочное усвоеніе двойственность представленія одной и той же вещи: «пишутъ молъ и такъ, пишутъ и эдакъ», а напишетъ ученикъ: въ размышленьѣ, учитель обязанъ внушить ему еще 5) уже самое мелочное правило, хотя тоже не особенно рѣшительнаго характера: «окончаніе *ъ* въ словахъ на *нье* употребительно развѣ только въ стихахъ»,—если же на грѣхъ припомнитъ въ эту минуту вышеприведенное мѣсто изъ ком. Горе отъ ума, то по совѣсти долженъ будетъ прибавить оговорку:—«но не всегда». Принимая во вниманіе непослѣдовательность орѳографической теоріи, черезъ-чуръ преклоняющейся передъ мертвой буквой наперекоръ живому языку и въ прямой ущербъ школьному обученію, непослѣдовательность, въ силу которой такія ясно слышимыя звуки, какъ: *о* послѣ шипящихъ или *ё* вообще въ различныхъ случаяхъ не пишутся, (хотя такія начертанія, по нашему мнѣнію, въ своемъ мѣстѣ уже изложенному, не противорѣчатъ этимологіи), а вовсе неслышимое, фиктивное, навязанное русскому языку уподобленіе требуютъ непремѣнно изображать и на письмѣ и, что особенно странно, даже тамъ, гдѣ самая причина уподобленія изчезаетъ. Все это принимая во вниманіе, мы предложили бы изъ вышепоставленныхъ на видъ 5-ти правилъ оставить одно первое; а прочія 4 упразднить и такимъ образомъ простерли бы свою дерзость до того, что впредь до представленія болѣе убѣдительныхъ аргументовъ, чѣмъ эти неопредѣленныя «издавна» и «нѣкогда», рекомендовали бы считать болѣе нормальными не только начертанія: о Васильѣ, о Софьѣ, о недоумѣньѣ, но даже—horribile scriptu!—и начертанія: о Василіѣ, о Софіѣ о недоумѣніѣ (что касается до муж. рода, то оконч. *іѣ* встрѣчалось прежде и въ печати). Если вообще чувство уваженія къ почтенной, но мертвой старинѣ должно стоять выше чувства

снизхожденія къ малымъ силамъ малыхъ сихъ и если въ частности въ силу этого превознесенія мертваго надъ живымъ, сейчасъ высказанное предложеніе должно быть съ негодованіемъ отвергнуто, то, по крайней мѣрѣ, избавьте насъ отъ той милости, по которой дозволяется при отсутствіи ударенія и при наличности сокращенія *і* въ *ъ* въ средн. родѣ сохранять драгоцѣнное *и*, и разрѣшите, уравнявъ въ правахъ средній р. съ муж. и женскимъ, писать сплошь какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ: въ размышленьѣ, по возвращеньѣ, объ описаньѣ, подобно тому, какъ пишемъ: о Васильѣ, о Софьѣ, о копьѣ. Но являясь защитникомъ правъ буквы *ѣ* противъ буквы *и*, могу навлечь на себя подозрѣніе въ томъ, что принадлежу къ числу поклонниковъ этой «болгарской приживалки» *), а потому перехожу къ моему шестому образчику упрощенія, затрогивающему именно эту самую букву *ять*, букву «хлѣбную», какъ называю я ее съ экономической точки зрѣнія **).

6. Хотя читаемъ мы въ Учебн. русск. грамм. Буслаева (стр. 10 послѣдн. изд. 1889), что «наше правописаніе весьма непослѣдовательно» (или «весьма погрѣшительно»,—какъ сказано 20 лѣтъ назадъ въ 1-мъ изд. 1869) относительно буквы *ѣ*; хотя и въ Акад. руководствѣ высказывается такое же мнѣніе только въ болѣе уклончивой формѣ (см. стр. 65—66);

*) Такъ обозвана была мною буква *ѣ* семь лѣтъ тому назадъ въ подражаніе прозвищу „византійская прабабушка“, поставленному на могильномъ курганѣ, подъ которымъ нѣкогда похоронена была составителемъ Академ. руководства буква *вита* (см. Фил. Раз. т. II стр. 135—141, изд. 2-ое 1876).

**) Немало лишнихъ уроковъ доставила буква *ѣ* обучающимъ русскому языку. Немало лишнихъ грошей перепало въ карманы букинистовъ съ Никольской улицы, фабрикующихъ различныя карманныя книжицы спеціально для одной только буквы *ѣ*, цѣною отъ 10 коп. и даже до 65 коп.—Такъ за послѣднюю цѣну пріобрѣтался, напр. такой перлъ, какъ: „Подробнѣйшая и необходимая для всѣхъ справочн. книжка..... содержащая 8500 корневыхъ и производныхъ словъ“..... (изд. стереотипное—sic!—Земскаго М. 1877). Вотъ немногіе образчики многочисленныхъ словъ этого въ своемъ родѣ кустарнаго производства: *безвѣрство*, *безгрѣшіе*, *безотдѣльно*, *бѣлизничій*, *бѣломѣзка*, *бѣшь*, *гадобѣдъ*, *головытерѣ*, *кожевѣдъ*, *невѣръ*, *ногтобѣдица*, *огнемѣръ*, *первосѣдница* и т. д. и т. 1.—„Кому *ять*, а намъ лишь бы деньги взять“—вотъ эпиграфъ ко всѣмъ подобнымъ фабрикатамъ!

тѣмъ не менѣе на этотъ разъ мы будемъ консервативными не менѣе послѣдняго и ни единымъ словомъ не заикнемся насчетъ какой-либо радикальной мѣры противъ буквы *ѣ*. Мы имѣемъ пока въ виду одинъ только частный случай употребленія этой буквы, случай, о которомъ само Акад. руководство говоритъ слѣдующее: «Особенную непослѣдовательность представляютъ заимствованныя изъ другихъ языковъ (особенно изъ греческаго) имена собственныя, а отчасти и нарицательныя на *ей* и *ьй*. Съ одной стороны пишутъ: *Андрей Тимоѳей*, съ другой: *Алексѣй, Еремѣй, Елисѣй, Матѳѣй, Сергѣй*, причемъ выставляется правило, что *е* пишется тогда, когда, эта буква находится уже и въ подлинномъ иностранномъ имени: Ανδρέας, Τιμόθεος, а *ѣ*, когда въ подлинномъ имени *і* или *аі*: Ἀλέξιος, Ἱερεμίας, Ἐλισσαῖος, Ματθαῖος, Σέργιος. На этомъ же основаніи пишутъ *апрѣль* (отъ лат. aprilis). Но, читаемъ далѣе, изъ этого правила допускается множество изключеній»....затѣмъ приводятся примѣры(стр. 65).Судя по тону (см. выраженія «особенная непослѣдовательность», «выставляется правило»), которымъ изложена эта замѣтка, можно предположить, что Акад. руководство съ своей стороны далеко отъ одобренія правила, которое представляетъ вопіющій образчикъ стариннаго педантизма, кичившагося знаніемъ греческ. языка. Это предположеніе готово перейти въ увѣренность, когда припомнишь слѣдующія очень поучительныя слова академика Грота: «*Надобно жалѣть*, что въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ и особенно въ именахъ собственныхъ *ѣ* пишется *безъ надобности* только по *условному соглашенію*» (см. Филологич. Разысканія т. II стр. 142). Но, увы! не смотря ни на это сожалѣніе академика Грота о ненадобности правила, ни на указаніе со стороны Акад. руководства на особенную непослѣдовательность, выражающуюся во множествѣ изключеній, это крайне искусственное правило и тамъ и здѣсь признается обязательнымъ и даже безъ ссылки на обычное «издавна» или «нѣкогда»; а слѣдовало бы, въ самомъ дѣлѣ, пожалѣть то громадное большинство не только учащихся, но и учащихъ, которымъ до греческаго языка,

какъ до звѣзды небесной, далеко. Какъ написать адрессъ на письмѣ: Пелаг$\frac{е}{ѣ}$ѣ Евстигн$\frac{е}{ѣ}$евнѣ Аг$\frac{е}{ѣ}$евой? или напр. Авд$\frac{е}{ѣ}$ю Евс$\frac{е}{ѣ}$евичу Мих$\frac{е}{ѣ}$еву? задумается не только писецъ, прошедшій лишь начальную школу, но и чиновникъ, кончившій курсъ гораздо повыше; написать же неправильно всякому совѣстно; ибо адрессъ прежде всего бросается въ глаза. — Любопытно, что, напримѣръ, въ различныхъ хрестоматіяхъ, именно въ отрывкахъ, взятыхъ изъ книги С. Аксакова «Дѣтскіе годы Багрова внука», являются два начертанія: *Евсеичъ* и *Евсѣичъ*; если ужь сами составители пособій по русскому языку путаются, то какъ же требовать отъ школьниковъ, чтобы они не смѣшивали Андрея и Тимоѳея съ Алексѣемъ и Матвѣемъ и не писали *ѣ* въ первыхъ двухъ по примѣру послѣднихъ двухъ. Еще очень недавно существовало правило, что въ словахъ иностранныхъ *ѣ* не пишется, правило весьма основательное, потому что буква *ѣ* чисто-славянская буква, нужная только для домашняго обихода; въ силу этого правила непослѣдовательность сразу изчезнетъ вмѣстѣ съ буквою *ѣ* изъ именъ: Алексей, Матвей, Сергей, подобно тому, какъ улетучилась она почти совсѣмъ изъ слова *грамотей*; въ сущности только изъ-за этихъ трехъ именъ, какъ часто встрѣчающихся, крѣпко сохраняется явная, всѣми признаваемая непослѣдовательность. Имя *Владиміръ*, можно думать, не менѣе употребительно, чѣмъ три вышеуказанныя имена, однако предлагаютъ же *і* (съ точкою) замѣнить черезъ *и* (безъ точки); а букву *ѣ* считаютъ почему-то въ именахъ *Алексѣй* и *Сергѣй* настолько глубоко пустившею корни, что никто даже не заикнется о возможности замѣны ея черезъ букву *е*, хотя бы учащихся ради. Не только въ этомъ одномъ случаѣ, но и вообще бросается въ глаза, конечно, сторонняго, безпристрастнаго наблюдателя непослѣдовательность относительно буквы *ѣ*, вѣдомство которой и обширно и разнообразно. Здѣсь замѣчаются съ одной стороны попытки упразднять, съ другой возстановлять букву *ѣ*, но въ томъ и другомъ случаѣ вы наталкиваетесь на странныя противорѣчія. Такъ изъ однихъ словъ прямо удаляютъ по ошибкѣ попавшую въ нихъ *ѣ*, какъ

напр.: изъ словъ *грамотей, звено, спесь, хмель* (вм. грамотѣй, звѣно, спѣсь, хмѣль), а въ другихъ такую же заблудшую *ѣ* оставляютъ совсѣмъ въ покоѣ, какъ напр.: *гдѣ, здѣсь, вездѣ* (вм. кдѣ, сдесь, весде), какъ бы для того, чтобы въ русскомъ правописаніи, этимологическомъ по преимуществу, имѣлись ради вящшаго курьеза и такія диковинныя образчики словъ, въ которыхъ изъ 5-ти даже изъ 3-хъ буквъ *двѣ* непремѣнно писались бы наперекоръ этимологическому составу, вполнѣ ясному для 11—12 лѣтняго школьника, пріобрѣтшаго свѣдѣнія о мѣстоименіяхъ относительныхъ и о таковыхъ же мѣстоименныхъ нарѣчіяхъ (*куда*, слѣд. *кде*; *сюда*, слѣд. *сдесь*; *всюду*, слѣд. *весде*). Въ реставраціи буквы *ѣ* повторяется таже исторія: въ словѣ *лѣчить* (вм. лечить) возстановлена Буслаевымъ б. *ѣ* съ цѣлію указать на произхожденіе слова отъ корня *лѣк-ъ* (значитъ: зелье) и такимъ образомъ упразднить то прежнее наивное толкованіе, по которому *леченье* (отъ прилаг. *легкій*) должно было быть *облегченьемъ* (неизвѣстно только чего именно: положенія ли больнаго, или его кармана). Что же до неправильнаго начертанія сложнаго числительнаго *двѣсти* (вм. правильнаго *двѣсть*) то на стр. 94 Акад. руководства находимъ такую очень характерную замѣтку: «Форма *двѣсть* (старинное двойственное число) была бы конечно правильнѣе общеупотребительнаго правописанія (точнѣе бы: кривописанія): *двѣсти*, но повторявшіяся не разъ попытки возстановить ее можно считать окончательно (sic!) неудавшимися»..... Эта замѣтка, затрогивающая вопросъ, очень близкій нашему сердцу, вопросъ объ удачѣ того или другаго вполнѣ основательнаго измѣненія въ орѳографіи, характерна въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, поражаетъ васъ непререкаемость приговора объ *окончательной* неудачѣ попытки возстановить правильное начертаніе *двѣсть*, поражаетъ, потому что относительно возможности или невозможности реформъ даже въ такой скромной и безобидной сферѣ, какъ орѳографическая, едва ли можно ясно провидѣть будущее, даже не особенно отдаленное; грамотеямъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, по всей вѣроятности, и во снѣ не грезились такія на-

чертанія, какъ: *грамотей* вм. *грамотьй* или *лѣкарь* вм. *лекарь*, а между тѣмъ теперь людьми болѣе грамотными (но, конечно, далеко не всѣми) эти начертанія приняты, потому что основанія этихъ начертаній болѣе или менѣе понятны всякому знакомому хоть съ элементарной грамматикой; иное дѣло двойственное число, слѣды котораго въ русскомъ языкѣ и малочисленны и малоощутительны; попытки же возстановить настоящую физіономію числительнаго, сложеннаго изъ двухъ формъ двойств. числа средн. рода: *двѣ + стѣ* (слич. форму просторѣчія *двоста*, подобную формамъ *триста, четыреста*) относятся къ тѣмъ временамъ, когда знакомство съ двойств. числомъ было удѣломъ только спеціалистовъ; даже теперь, даже, къ удивленію, самими спеціалистами слѣды этой формы не признаются, напр. въ такихъ выраженіяхъ какъ: два классныя стола, два большія камня, гдѣ формы: *стола* и *камня*, не смотря на множ. число прилагательнаго, считаются попрежнему за родительные падежи единств. числа (см. Русскій синтаксисъ *Стоюнина* и Учебн. русск. синтаксиса *Поливанова*). Во-вторыхъ, тѣмъ страннѣе звучитъ рѣшительный приговоръ объ окончательной неудачѣ, что не объясняется, въ чемъ кроется причина неудачи: въ томъ ли, что частныя попытки спорадическихъ измѣненій, касающіяся пары, другой словъ, вообще не могутъ быть удачными и что только такія болѣе широкія и болѣе рѣзкія измѣненія, какъ совершенный остракизмъ буквы *ъ*, могутъ разсчитывать на скорый и прочный успѣхъ, или въ томъ, что частныя попытки отличаются какою-то робостью, доходящею иной разъ до отреченія отъ собственнаго же нововведенія или же сказывающеюся въ колебаніяхъ вообще? Намъ невольно вспомнилась исторія «византійской прабабушки», которая въ Филологич. Разысканіяхъ въ 1873 г. (1-ое изданіе) была схоронена, а въ 1885 въ Академ. руководствѣ была вызвана изъ могилы между прочимъ на томъ основаніи, что въ теченіе этого двѣнадцатилѣтняго промежутка публика продолжала считать «прабабушку» попрежнему живою; на самомъ же дѣлѣ, не только многія изъ публики и учащіяся старшаго возраста

искренно увѣровали въ ея смерть, но даже и съ печатныхъ страницъ по примѣру самихъ Филолог. Разысканій она стала мѣстами изчезать, и вдругъ «прабабушка» возкресаетъ. Рядомъ съ этимъ фактомъ самоотреченія, по закону ассоціаціи, взплываетъ на поверхность вашей памяти и образчикъ колебанія, которое, пожалуй, дойдетъ въ концѣ концовъ тоже до самоотреченія: въ Филологич. Указателѣ тѣхже Филолог. Разысканій стоитъ, и притомъ ещо одиноко, небывалое до тѣхъ поръ начертаніе: *вядчина*; въ оправданіе этого новшества приводится обстоятельное и довольно основательное соображеніе; но въ Академич. руководствѣ (изд. 5-ое 1886 г.) уже поставлены рядомъ оба начертанія: и старое *ветчина* и новое *вядчина*, притомъ старое стоитъ первымъ и на свободѣ, какъ начертаніе желательное, а новое—вторымъ и подъ арестомъ т. е. въ скобкахъ, какъ начертаніе только позволительное и то не для настоящаго, а лишь для неопредѣленнаго будущаго: — хотя прежнее соображеніе относительно бо́льшей правильности теперь невинно заключеннаго начертанія и повторяется въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, но съ прибавленіемъ ссылки на Рейфа, Шимкевича, Линде и Миклошича, однако за этой ссылкою совершенно неожиданно слѣдуетъ новое и очень знаменательное добавленіе такого рода: «Несмотря (по Акад. руков. пишется слитно; а какъ писать: *не взирая?* спросимъ мимоходомъ) на то, давняя (опять эта роковая давность!) привычка (только не учащихся) къ написанію *ветчина* заставляетъ (что за страшная сила эта давность!) до времени (до какого же приблизительно?) отказаться отъ строго этимологической формы». Какъ, спроситъ съ крайнимъ изумленіемъ всякій непредубѣжденный читатель, отказаться отъ завѣдомо правильнаго въ пользу неправильнаго потому только, что такъ писали малограмотныя предки? Или, можетъ быть, существуетъ другое толкованіе произхожденія этого прежде столько скромнаго, а теперь столь моднаго слова, или, по крайней мѣрѣ есть вѣскія возраженія противъ начертанія *вядчина*, то зачѣмъ же

называть его тогда строго этимологической формой? *) Но пусть изумляется читатель, диллетантъ по части орѳографіи, а какъ быть школьному учителю, когда наложенъ до поры до времени запретъ на это начертаніе? школа вѣдь не можетъ ждать: напишутъ напр. ученики, одинъ—*вит*чина, другой—*вѣд*чина, третій—вятчина; не будь запрета, учитель прямо и показалъ бы имъ строго этимологическую форму съ поясненіемъ ея основательности; а теперь придется попрежнему разныя неправильныя написанія замѣнять однимъ, но такимъ же неправильнымъ, съ прибавленіемъ ни для кого неубѣдительнаго припѣва: такъ де принято. Неужели, спросимъ наконецъ и мы, при подобныхъ колебаніяхъ въ такія сравнительно краткія промежутки времени, колебаніяхъ, ведущихъ къ отмѣнамъ и отсрочкамъ, можно питать надежду достигнуть «единообразія», которое составляетъ главную задачу Академическаго руководства? Если отъ того или другаго основательнаго измѣненія нужно отказываться до времени, то придется, пожалуй, и отъ единообразія, какъ отъ преждевременной мечты, тоже отказаться до времени; ибо до сихъ поръ, спустя уже болѣе пяти лѣтъ послѣ перваго выхода въ свѣтъ Академ. руководства, не замѣчается особенной удачи, притомъ не только въ печати, не подлежащей циркулярнымъ предписаніямъ ad hoc, но и въ школьной сферѣ, гдѣ не по всѣмъ вѣдомствамъ поспѣшили сдѣлать зависящія распоряженія о введеніи quand même единообразія по первому же изданію Академич. руководства, которое въ послѣдовавшихъ за первымъ изданіяхъ подвергалось нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ; скажемъ болѣе: получилось не единообразіе, а большее, чѣмъ прежде, разнообразіе, слѣд. прямо неудача. Какъ бы то ни было, но во всѣхъ орѳо-

*) Что это слово сдѣлалось модным, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее обстоятельство: въ первый же годъ, по выходѣ Академ. руководства, въ окнахъ одного изъ лучшихъ московскихъ колоніальныхъ магазиновъ на одной изъ самыхъ бойкихъ улицъ передъ Пасхой красовался ярлыкъ съ крупно напечатаннымъ словомъ: *вядчина*.

графическихъ реформахъ, крупныхъ и мелкихъ, суть дѣла не въ удачѣ или неудачѣ, а въ тѣхъ зависящихъ обстоятельствахъ, каковы: 1) разумность основанія, не упускающая никогда изъ виду возможности упрощенія ради ближайшаго будущаго, 2) безпристрастіе, чуждое заднихъ мыслей т. е. тѣхъ постоянныхъ оглядокъ назадъ въ туманную даль невозвратно прошедшаго, и 3) наконецъ извѣстная доля самоотреченія, въ силу котораго нужно на время забыть свои орѳографическія привычки ради облегченія учащихся. Такъ въ данномъ случаѣ предоставьте школѣ починъ изгнанія буквы *ъ* изъ всѣхъ иностранныхъ словъ, не исключая и собственныхъ именъ, а слѣд. и устраненія «особенной непослѣдовательности», по которой правило о б. *ъ* въ собственн. именахъ заключаетъ въ себѣ гораздо меньше случаевъ, чѣмъ исключеніе изъ этого страннаго, не имѣющаго себѣ подобныхъ правила. На возможное даже со стороны нѣкоторыхъ учителей замѣчаніе, что это странное правило можно легко обойти: стоитъ только заставить заучить пять собственныхъ именъ, указанныхъ на стр. 65 Акад. руководства съ прибавленіемъ тамъ же находящагося слова *индѣецъ*,—на такое замѣчаніе слѣдуетъ прямо отвѣтить, что подобное замѣчаніе для спеціалиста практика крайне легкомысленно, ибо память учащихся не мѣшокъ, что положатъ, то и несетъ; въ памяти будутъ путаться заученныя пять именъ съ другими 25 сходными по формѣ именами (въ календарѣ насчитали мы всѣхъ такихъ именъ муж. рода до 30-ти); главное же —памяти и безъ того предстоитъ усвоить до 130 коренныхъ словъ (см. Кратк. учебникъ Поливанова) съ буквою *ъ*; нечего и говорить уже о производныхъ. Итакъ нашъ шестой образчикъ упрощенія упраздняетъ одно правило, болѣе похожее на исключеніе, и исключеніе, болѣе похожее на правило. Теперь ещо одно послѣднее сказанье.

7. Вопросъ, затрогиваемый нашимъ послѣднимъ образчикомъ упрощенія, составляетъ альфу и омегу въ школьномъ курсѣ правописанія: онъ является первою и самою главною трудностью для начинающихъ; онъ же представляетъ и по-

слѣдній камень преткновенія для кончающихъ, даже для тѣхъ которымъ посчастливилось наконецъ одолѣть всякія другія затрудненія. Вопросъ этотъ—*слитное* и *раздѣльное* начертаніе, вопросъ чисто этимологическій: какое соединеніе изъ двухъ и болѣе словъ считать за одно сложное слово, представляющее на письмѣ нераздѣльное цѣлое, и какое соединеніе принимать только за выраженіе, т. е. такую совокупность словъ, въ которой каждое слово на письмѣ сохраняетъ свою самостоятельность? Существуютъ собственно три способа начертанія: 1) слитный, 2) раздѣльный и 3) средній между ними, слитно-раздѣльный при помощи *тире*. Особенное затрудненіе представляютъ выраженія, сходныя если не по составу, то по смыслу съ нарѣчіями сложными (locutions adverbiales): нерѣдко въ одномъ и томже случаѣ употребляются всѣ три, напр. *порусски*, *по русски* и *по-русски*; *второпяхъ*, *въ торопяхъ* и *въ-торопяхъ*; *вслѣдствіе*, *въ слѣдствіе* (по примѣру начертаній: въ продолженіе, въ теченіе) и *въ-слѣдствіе*; *сплеча* (какъ сгоряча), *съ плеча* и *съ-плеча* и мн. др. Въ орѳографіи живаго языка подобная неустойчивость по отношенію къ такому несамостоятельному разряду словъ, какъ нарѣчія, которыя относительно производства представляютъ rendez-vous всѣхъ другихъ частей рѣчи, вполнѣ естественна и даже неизбѣжна, особенно при неудовлетворительности самой теоріи, когда эта теорія на первомъ планѣ ставитъ главнымъ и единственнымъ основаніемъ слѣдующее положеніе: «Слитно писать два слова слѣдуетъ тогда, когда соединеніе ихъ утверждено давностью или общепринятымъ обычаемъ». (Акад. руков. стр. 91). Изъ всѣхъ основаній тріединой орѳографіи давность, какъ уже не разъ замѣчали мы, основаніе по своей невразумительности для учащихся самое нетвердое, а различеніе такихъ понятій, какъ «давность» и «общепринятый обычай», понятій, столь близкихъ между собою, что ихъ можно считать синонимами, приводитъ васъ окончательно въ недоумѣніе. Если подъ общепринятымъ обычаемъ нужно разумѣть нѣчто отличное отъ давности т. е. орѳографію настоящаго, то вышеприведенныя примѣры троякаго начер-

танія ясно указываютъ на отсутствіе въ извѣстныхъ случаяхъ (а ихъ наберется немало) одного какого-либо способа. Если обратимся къ прошедшему, но не въ смыслѣ какой-то крайне неопредѣленной «давности», а прямо къ исторіи сложенія словъ, то увидимъ слѣдующее: въ нынѣшнихъ сложныхъ словахъ ихъ отдѣльныя составныя части настолько тѣсно слились, что подчасъ сбиваютъ съ толку правописаніе; пишутъ напр. *двѣнадцать* вм. *двѣнадсять* (двѣ + на + десять), и никому даже невдомекъ, что въ этомъ случаѣ дѣлается точно такая же грубая ошибка, какъ если бы кто написалъ: *воздастца* вм. *воздастся*; между тѣмъ въ цслав. яз. это сложеніе настолько еще не окрѣпло, что допускаетъ вставку постороннихъ словъ между частями сложнаго слова, какъ напр.: *не два ли надесяте еста часа*, или *воздастжется* (вм. воздастъ же ти ся — ради сбереженія мѣста); такимъ образомъ возвратное мѣстоименіе *ся* въ цслав, какъ и въ другихъ языкахъ, было вполнѣ самостоятельнымъ словомъ и могло стоять даже впереди глагола, какъ напр.: *что ся вамъ мнитъ о Христѣ*; въ русскомъ же языкѣ до того забылась самостоятельность мѣстоим. *ся*, что никто глаголы, сложенныя съ мѣст. *ся*, какъ напр.: *любоваться*, *смотрѣться*, и не думаетъ считать сложными наравнѣ съ другими разрядами словъ, какъ: *себялюбіе*, *себялюбивый*. Равнымъ образомъ никому не придетъ въ голову, что такія сложныя слова, какъ: *Царьградъ*, *Новгородъ* т. е. слова *несобственнаго* сложенія (какъ бы невполнѣ сложныя) слѣдовало бы писать: Царь-градъ, Новъ-городъ; ибо въ народномъ языкѣ до сихъ поръ первая часть сохранила старинную способность склоняться, напр.: «шли наши ребята изъ Нова-города». Такимъ образомъ при сложеніи словъ замѣчается различная по степени крѣпости связь между составными частями, и грамматика обыкновенно различаетъ двѣ степени: *собственное* (т. е. въ строгомъ смыслѣ) и *несобственное* сложеніе. Отсюда при затрудненіи, какъ писать, напр.: *во-свояси* или *восвояси*, *во-очію* или *воочію*—дѣло не въ давности, не въ общепринятомъ обычаѣ, а въ томъ этимологическомъ основаніи, которое должно

служить главною точкою опоры въ сбивчивомъ вопросѣ о слитномъ начертаніи и которое, къ сожалѣнію, только мимоходомъ и въ очень неясной формѣ затрогивается въ Акад. руков. въ двухъ, трехъ частныхъ правилахъ. Правилъ же этихъ и крупныхъ и мелкихъ съ прибавкою трехъ замѣтокъ внизу страницъ мы насчитали на 6 страницахъ ни болѣе ни менѣе, какъ 47, цифра настолько поразительная, что этотъ отдѣлъ, составляющій почти $^2/_3$ всей второй главы, можно признать за наименѣе удовлетворительный и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи. Вернемся однако къ вышеуказаннымъ примѣрамъ: *восвояси* и *воочію* (во́чью — въ просторѣчіи). Мы недаромъ поставили рядомъ эти два сложныя нарѣчія: въ Справочн. указателѣ Акад. руков. первое пишется: *во-свояси*, а послѣднее—*воочію*; подобное различіе въ начертаніи такихъ сложныхъ словъ, которыя по своему этимологическому характеру слѣдуетъ считать, конечно, относительно русскаго языка совершенно однородными, намъ кажется произвольнымъ; въ цслав. яз. ни то, ни другое сочетаніе не было сложнымъ нарѣчіемъ; первое—не что иное, какъ три отдѣльныя слова: *въ* (предлогъ требующ. вин. пад.), *своя* (мѣстоим. притяжательно-возвратное, вин. п. мн. ч. средн. р., по цслав. синтаксису вм. русскаго единств. ч. средняго же рода), *си* (мѣстоим. лично-возвратное, дат. п. ед. ч. для усиленія значенія мѣст. *своя*); словомъ, сочетаніе, хотя и усвоенное даже разговорнымъ русскимъ языкомъ, но никакому переводу на русск. яз. не поддающееся и отсюда понятное только въ слитномъ начертаніи, въ качествѣ сложнаго въ строгомъ смыслѣ слова, отдѣльныя части котораго и въ этимологическомъ, и въ синтаксическомъ отношеніи для большинства пишущихъ окажутся совсѣмъ невразумительными, если написать ихъ раздѣльно: *во своя си*. Такимъ же точно сочетаніемъ, составляющимъ одно нераздѣльное цѣлое, являются и два цслав. слова: *во* (предлогъ, треб. мѣстн. пад.) и *очію* (мѣстный пад. двойственнаго числа, при имен. *очи*; во множ. же числѣ *очеса*); нераздѣлимость этого сложнаго нарѣчія *воо́чію* особенно чувствуется въ сокращенной формѣ

просторѣчія *вóчью* (вм. 4 слоговъ только два). Но если Акад. руководство указываетъ и вполнѣ согласно съ этимологическимъ характеромъ писать *воочію*, то нѣтъ никакого основанія для начертанія *во-свояси*, въ которомъ между 1-ою и 2-ой частью вставляется черточка, не оказывающаяся однако нужною для разъединенія 2-ой и 3-ьей части. Кромѣ сейчасъ разсмотрѣнныхъ сложныхъ нарѣчій чисто церковнославянск. состава, найдется немалое количество чисто русскихъ, въ составъ которыхъ входятъ части, самостоятельно уже не существующія, хотя иногда, какъ слова число русскія, и въ отдѣльности понятныя; таковы сложныя нарѣчія: *невзначай*, *невдомекъ*, *впопыхахъ*, *впросакъ*, *навзничь*, *наизусть*, *напослѣдокъ*, *изстари*, *издавна*, *смолоду*, *сдуру*, *снова*, *изрѣдка*, *понемногу*, *вообще*, *порусски* и т. д. Въ составъ первыхъ шести изъ этихъ сложныхъ нарѣчій вошли существительныя, отдѣльно уже неупотребительныя: *чай* (чаяніе), *домекъ*, *попыхъ*, *ничь*, *усть*, *старь*; вторыя же шесть сложены изъ предлоговъ и соотвѣтствующихъ имъ падежей прилагательныхъ краткой формы, нынѣ уже несклоняемыхъ (въ книжн. языкѣ), какъ наприм. *молодъ*, *новъ*, или вовсе несуществующихъ, какъ наприм: *давенъ*, *немногъ*, *общъ*, *русски*. Всѣ эти остатки уже несуществующихъ теперь существительныхъ и прилагательныхъ являются своего рода окаменѣлостями, петрифактами. Отсюда само собою вытекаетъ общее правило, устраняющее ту дробность замѣтокъ по отдѣльнымъ частямъ рѣчи, дробность, которою страдаетъ Акад. руководство (число правилъ было указано выше). Правило это, по крайней мѣрѣ, относительно нарѣчій, какъ наиболѣе затруднительныхъ изъ всѣхъ другихъ сложныхъ словъ,—слѣдующее: пиши слитно, когда та или другая часть извѣстнаго сочетанія отдѣльно не употребляется. Подъ это правило подойдутъ и такія нарѣчія, какъ: *донынѣ*, *помимо*, *свыше*; ибо, если вторыя части и употребляются отдѣльно, то предлоги, предстоящія всегда извѣстному падежу, здѣсь за несклоняемостью вторыхъ частей, отдѣльно стоять не могутъ. Не будутъ противорѣчить этому правилу и такія нарѣчія, какъ: *попрежнему*, *повидимому*, *вкрутую*, *зачастую*, *наудалую*, *во-*

вторыхъ, *втретьихъ*, потому что прилагат. полной формы, служа обыкновенно опредѣленіями, безъ существительныхъ въ отдѣльности неупотребительны. Что же до такихъ сложныхъ нарѣчій, какъ: *наконецъ*, *вмѣстѣ*, *вмѣсто*, *вступикъ*, *заграницей*, *заграницу*, *сплеча*, въ которыхъ обѣ части имѣютъ право на самостоятельность, то здѣсь нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что слитное начертаніе придаетъ слову значеніе, отличное отъ того, какое имѣетъ тоже слово въ отдѣльности, наприм. переносное (время) вмѣсто собственнаго (пространство): «должникъ долго держалъ деньги въ рукахъ, *наконецъ* положилъ ихъ *на конецъ* стола» или: «дворецкому, благодаря разпродажѣ барскаго имущества *сплеча*, дешево досталось шуба *съ плеча* стараго барина». Такимъ образомъ, вмѣсто десятковъ правилъ, можно ограничиться однимъ общимъ правиломъ, по которому слово, входящее въ составъ извѣстнаго сочетанія (выраженія) и не представляющее въ этимологическомъ или синтаксическомъ отношеніи чего-либо самостоятельнаго, должно считаться только частью, составляющею вмѣстѣ съ другимъ словомъ одно цѣлое. Замѣтка о такихъ сложныхъ нарѣчіяхъ, какъ: *наконецъ*, *сплеча*, составитъ другое, но уже болѣе частное правило. Однако, при существованіи еще начертанія средняго (ни слитнаго, ни раздѣльнаго) т. е. при помощи *тире*, двухъ правилъ недостаточно; потребуется третье, которое могло бы быть формулировано такъ: во всѣхъ не подходящихъ ни подъ то, ни подъ другое изъ обоихъ правилъ случаяхъ, когда однако сочетанія до извѣстной степени походятъ на нарѣчія, можно прибѣгать къ помощи *тире* («душеспасительнаго», какъ называю его въ шутку, намекая на пригодность его въ этихъ именно случаяхъ колебанія руки пишущаго, мало знакомаго, съ орѳографическими тонкостями), какъ напр: *со-временемъ* (сравни: *впослѣдствіи*), *въ-пору* (сравни: *кстати*—доброму вору все въ-пору). Хотя это третье правило отличается неопредѣленностью, но не безполезно въ практическомъ отношеніи, потому что избавляетъ отъ лишнихъ справокъ въ словарѣ, особенно такомъ словарѣ, въ который, по мнѣнію Акад. ру-

ководства, во избѣжаніе обремененія его, не слѣдуетъ вносить даже такихъ несомнѣнно сложныхъ нарѣчій, какъ: *по-свойски*, *покаковски*, *понашенски* и т. п. Эти сложныя нарѣчія въ Акад. руков. едва ли послѣдовательно пишутся: *по-свойки*, *по-каковски*, если въ тоже время требуется слитное начертаніе для болѣе сомнительныхъ сложныхъ нарѣчій, какъ напр: *повидимому*, *попрежнему*, въ которыхъ, по объясненію Акад. рук., прилагат. «такъ тѣсно слилось съ предлогомъ, что утратило свое отдѣльное значеніе.» А какъ написать — спроситъ иной—*поновому*, *посвоему*, *понашему* или *по-новому*, *по-своему*, *по-нашему*? Неужели въ этихъ сочетаніяхъ прилагательныя формы *новому*, *своему*, *нашему* или въ вышеприведени. изъ Акад. руков. формы: *видимому*, *прежнему* болѣе утратили «свое отдѣльное значеніе», чѣмъ изкаженныя остатки твор. п. множ. прилагательныхъ, въ родѣ: *каковски*, *свойски*, *нашенски*, отдѣльно безъ предлога никогда неупотребляемыя? Касательно всѣхъ подобныхъ нарѣчій, въ которыя, какъ: *по-каковски*, *по-свойки*, требуется вставлять *тире*, Акад. руководство категорически высказывается такъ: «Соединеніе такихъ словъ въ одно послужило бы только къ напрасному обремененію словаря». Откровенно говоря, мы несовсѣмъ понимаемъ этихъ опасеній за обремененіе словаря (четыре раза на 6 страницахъ упоминается объ этомъ обремененіи): 1) главный вопросъ заключается въ установленіи опредѣленнаго признака, по которому то или другое соединеніе словъ должно считаться за особое сложное слово; 2) черточка, раздѣляя составныя части, въ тоже время и соединяетъ ихъ въ одно цѣлое (недаромъ пофранцузски называется она соединительной чертою—trait d'union), слѣдов. и такія сочетанія, наравнѣ съ слитными сложными словами, имѣютъ право на помѣщеніе въ словарѣ (на особомъ ли мѣстѣ, или въ томъ «гнѣздѣ» по выраженію Даля, куда оно скорѣе всего должно быть отнесено по своему произхожденію—вопросъ второстепенный); безъ нихъ недоставало бы словарю полноты, необходимой для справокъ не только о значеніи, но и о начертаніи затруднительныхъ словъ. Неужели даже такое нерусскаго про-

изхожденія сложное слово, какъ: *восвояси* только по тому, что его, по примѣру Акад. руководства, будутъ писать съ черточкой: *во-свояси*, не должно найти себѣ мѣсто въ словарѣ? Впрочемъ въ Справочн. указателѣ самого Акад. рук. который есть не что иное, какъ небольшой словарь, совершенно основательно помѣщено это сложное слово съ необходимымъ краткимъ толкованіемъ; помѣщены также и слѣд. пять, тоже раздѣляемыя черточкой: *по-латыни*, *по-моему*, *по-молодецки*, *по-русски*, *по-свойски*. А какъ быть съ такими чисто русскими сложными словами, какъ: *разрывъ-трава*, *перекати-поле*, *мать-и-мачеха* и т. д. и. т. д. или съ такими иностранными, означающими должности, званія и чины, о которыхъ говорится на стр. 95 въ пунктѣ 5, какъ напр: *камеръ-лакей*, *штабъ-лекарь*, *гофъ-интендантъ* и т. д. всего девять словъ? Неужели и имъ, благодаря все тойже черточкѣ, закрытъ доступъ въ словарь? Но если такія же иностранныя слова (непосредственно предшествующія на тойже страницѣ вышеприведеннымъ девяти), какъ напр: *камергеръ*, *камеръюнкеръ* *гофмейстеръ* и т. д. числомъ шесть, оказываются достойными внесенія въ словарь только по тому, что пишутся безъ черточки, то почему бы не уничтожить этой черточки и у первыхъ, тѣмъ болѣе, что основанія для этой черточки никакого не приводится, а все ограничивается однимъ такъ часто, къ сожалѣнію, встрѣчающимся въ орѳографич. правилахъ категорическимъ «иногда». Ко всѣмъ такимъ категорическимъ словамъ и выраженіямъ, какъ «издавна», «нѣкогда», «иногда», «въ нѣкотор. случаяхъ», «большею частію» и даже къ такому совсѣмъ ужь неумѣстному въ кодексѣ орѳографич. законовъ констатированію факта о томъ, что или б. ѣ (какъ раньше мы видѣли) или какъ здѣсь (стр. 97) отрицаніе *не* пишется «безъ всякой послѣдовательности»,—ко всѣмъ этимъ, такъ сказать, орѳографическимъ припѣвамъ человѣкъ, покончившій всѣ свои счоты со школой и такъ или иначе научившійся письму, будетъ, конечно, вполнѣ равнодушенъ; но положеніе учащихъ (на это мы и ранѣе не разъ обращали вниманіе) крайне затруднительно, благодаря этимъ загадочнымъ

для учащихся орѳографич. формуламъ, не представляющимъ и тѣни чего-либо опредѣленнаго и положительнаго. Почему *камергеръ* пишется безъ черточки, а *камеръ-лакей* съ черточкой? спроситъ у васъ ученикъ; а вы ему въ отвѣтъ: это непослѣдовательно, но такъ пишутъ не только это слово, а еще такія-то и такія-то (слѣдуетъ, конечно, перечень, который у особенно усерднаго учителя, чего-добраго, будетъ даже заученъ наизусть; въ самомъ дѣлѣ, ужъ лучше, хотя бы и съ обремененіемъ памяти учащихся, дать имъ что-либо опредѣленное, чѣмъ сбивать ихъ съ толку этими вѣчными «иногда» и «большею частію»). Вопросъ о слитномъ и раздѣльномъ начертаніи мы назвали вначалѣ альфой и омегой школьнаго орѳографическаго курса; но длинный и трудный путь лежитъ между омегою т. е. такими сложными словами иностранн. произхожденія, какъ: *камергеръ*, *камеръюнкеръ* и *камеръ-лакей*, и той альфою, которая, какъ первый камень преткновенія, конечно, требуетъ ещо болѣе хлопотъ, если принять во вниманіе примитивный способъ письма малыхъ сихъ; а пишутъ многія изъ нихъ такъ: «Мы въпрошломъ году жыли на даче. Мы по ехали туда 10 мая. Жили тамъ въ балшомъ доме содной стороны дома сатъ а здругой прутъ. Я пулучилъ насвои иминины велосепетъ, на каторымъ котался по соду и подвору» и т. д. *) Даже человѣкъ, совершенно чуждый закулисныхъ мелочей обученія, можетъ себѣ представить ту затрату времени и силъ, какая потребуется для того, чтобы большинство учащихся, дѣлающее вначалѣ такія грубыя ошибки вообще и относитель-

*) Вотъ почему мы, при первомъ же знакомствѣ учащихся съ составомъ предложенія, даемъ имъ понятіе и о синтаксической роли предлоговъ, какъ посредниковъ, стоящихъ между словами и слѣд. пишущихся отдѣльно въ отличіе отъ предлоговъ, являющихся въ качествѣ приставокъ нераздѣльными частями словъ, о чемъ и дается понятіе при первомъ же знакомствѣ съ этимологическимъ составомъ слова, вопросомъ, слѣдующимъ тотчасъ же за вопроѳомъ о составѣ предложенія. Словомъ, начинающія пріучаются на первыхъ же порахъ отличать предлоги-представки (поставленные передъ словами) отъ предлоговъ-приставокъ (приставленныхъ или точнѣе: приставшихъ къ корнямъ словъ).—См. *Страничку изъ методики элементарн. грамматики роднаго языка*, сост. Владиміръ Шереметевскій М. 1887, стр. 10, 12 и 70—72.

по слитнаго и раздѣльнаго начертанія въ частности, довести наконецъ до усвоенія различія между начертаніями *камергеръ* и *камеръ-лакей*, *воочію* и *во-свояси*, *попрежнему* и *по-моему*, какъ они указаны въ Акад, руководствѣ. Если бы строгія цѣнители и судьи окончательныхъ успѣховъ учащихся по русскому правописанію могли имѣть подъ руками и первыя пробныя писанія этихъ учащихся при ихъ поступленіи въ школу, то, по всей вѣроятности, смягчили бы строгость своихъ приговоровъ относительно самаго хода обученія и измѣнили бы свой взглядъ на русское правописаніе, считающееся простымъ въ теоретическомъ отношеніи и легкимъ для практическаго усвоенія, не смотря на неопредѣленность, непослѣдовательность и мелочность многихъ правилъ, недостатки, которыя не устраняетъ и послѣднее слово высшей ученой инстанціи. Нашу попытку относительно упрощенія вопроса о слитномъ и раздѣльномъ начертаніи вообще чрезъ сокращеніе самыхъ правилъ считаемъ нелишнимъ дополнить образчикомъ упрощенія одного частнаго случая, не особенно важнаго, но обыкновенно вызывающаго недоумѣніе даже въ учащихся достаточно грамотныхъ: когда писать *также* (слитно) и когда *такъ же* (раздѣльно)? Въ самомъ дѣлѣ, для чего собственно нужно обычное различеніе *также*, какъ нарѣчія, отъ *такъ же*, какъ союза, если другія мѣстоименныя нарѣчія: *когда*, *куда*, *какъ*, исправляя должность союзовъ, нисколько не измѣняютъ своего вида? А если, напр. въ такой фразѣ: «дочь такъ же, какъ и сынъ, отличалась прилежаніемъ» замѣнить *такъ же*, черезъ нарѣчіе *тоже*, то допущено будетъ уже слитное начертаніе, не смотря на слѣдующій далѣе союзъ *какъ*, мѣшающій почему-то нарѣчію *также* оставаться самимъ собою и требующій лишняго крайне мелочнаго правила. Еще примѣръ. Здѣсь учащіяся уже не смущаются, а прямо очень часто не соблюдаютъ раздѣльнаго письма, именно—въ мѣстоименіи указательномъ *тотъ*, сопутствуемомъ частицею *же*, которая, не имѣя въ этомъ случаѣ никакого самостоятельнаго синтаксическаго значенія, пишется однако отдѣльно, даже безъ черточки. Что̀ такое нарѣчіе *тоже*, равносильное

по смыслу нарѣчію *также*, по своему произхожденію, какъ не средній родъ указательн. мѣстоим. *то же*, и почему мѣстоименіе должно писать раздѣльно? Потому ли что мѣстоименіе склоняется? Но извѣстнаго рода сложеніе (такъ назыв. несобственное) не лишаетъ первую составную часть способности измѣненія; какъ напр. склоняется въ старинномъ и народномъ яз. слова *царь* и *новъ* въ сложныхъ словахъ *Царьградъ*, *Новгородъ*; глаголы, сложенныя съ мѣст. *ся* свободно спрягаются; наконецъ цслав. мѣстоим. *иже*, *яже*, *еже*, по составу своему нисколько не отличающіяся отъ *тотже*, *таже*, *тоже* и представляющія собою слитныя сложныя слова, тѣмъ не менѣе склоняются; припомните кстати и латинск. мѣстоим. *isdem. eadem. idem*, гдѣ *dem* вполнѣ соотвѣтствуетъ частицѣ *же*, или нѣмецкое derselbe, dieselbe, dasselbe, и вы должны согласиться, что слитное начертаніе *тотже*, *таже* и *тоже* болѣе основательно, чѣмъ раздѣльное.

Мы покончили съ нашими семью образчиками упрощенія, имѣющаго главною цѣлію облегченіе усвоенія грамотнаго письма, и теперь, какъ вначалѣ, повторимъ, что этими семью случаями не изчерпывается вся возможность упрощенія. Подведемъ итоги нашимъ мечтаніямъ объ упрощеніяхъ въ орѳографіи ради избавленія переутомленной памяти учащихся отъ излишняго археологическаго балласта, накопившагося въ орѳографіи съ теченіемъ вѣковъ. Въ настоящее время много и говорятъ и пишутъ о переутомленіи учащихся; но, предлагая для устраненія этого печальнаго явленія такія мѣры, какъ сокращеніе числа учебныхъ часовъ и продленіе лѣтней вакаціи, забываютъ о болѣе существенномъ, объ освобожденіи школьной науки отъ излишняго для большинства головъ балласта, который при строгомъ и безпристрастномъ пересмотрѣ найдется въ любомъ изъ учебныхъ предметовъ; сокращеніе же учебнаго матеріала само собою приведетъ и къ сокращенію учебнаго времени. Обратимся однако къ нашему учебному предмету, какимъ въ современной школѣ безъ всякаго на то права является орѳографія, эта по существу своему лишь прикладная часть грамматики

(самое появленіе Академ. руководства именно по правописанію, а не по грамматикѣ вообще свидѣтельствуетъ объ этомъ крайне преувеличенномъ значеніи орѳографіи). Наши мечтанія объ упрощеніи коснулись семи случаевъ, конечно, не исчерпывающихъ, какъ уже сказано, всего, что можно упростить, но болѣе вопіющихъ, по нашему мнѣнію, а именно: 1) относительно ударяемаго *о* послѣ шипящихъ (и свистящей ц); здѣсь чрезъ огульное письмо буквы *о* во всѣхъ случаяхъ, гдѣ слышится ясно звукъ *о*, сокращается *восемь* правилъ, притомъ крайне мелочныхъ; 2) относительно предлоговъ-приставокъ: *воз*, *из*, *низ*, *раз*; здѣсь упраздняются *два* правила; 3) при устраненіи двоякаго начертанія *миръ* и *міръ* изчезаютъ тоже *два* правила; 4) чрезъ введеніе одного общаго окончанія *ія* для всѣхъ трехъ родовъ въ именит. пад. множ. числа прилагательныхъ получается сокращеніе уже *шести* правилъ, притомъ весьма сбивчивыхъ вслѣдствіе искусственнаго характера главнаго изъ нихъ; 5) чрезъ изключеніе изъ русской фонетики фиктивнаго уподобленія звука *е* (ѣ) звуку *и* (і), уподобленія, въ которомъ заподозрѣна флексія предложн. падежа единственнаго числа во всѣхъ родахъ именъ существит. на *ій*, *ія* и *іе*, упразднились бы *четыре* правила (кстати замѣтить, во избѣжаніе недоразумѣній, при нашихъ сокращеніяхъ вообще мы имѣемъ въ виду число правилъ, указанныхъ въ Акад. руководствѣ, какъ послѣднемъ и самомъ полномъ сводѣ законовъ орѳографіи); 6) относительно буквы *ѣ* въ немногихъ словахъ иноземнаго произхожденія (въ томъ числѣ и собствен. именахъ, каковы: Алексей, Сергей, Матвей) чрезъ устраненіе «особенной непослѣдовательности» устраняется и *два* правила, вызванныя ею. Итакъ, относительно шести случаевъ, сейчасъ перечисленныхъ, получается сокращеніе *двадцати четырехъ* правилъ, а слѣдов. сбереженіе значительнаго количества и силъ и времени учащихся, количества, которое требуется теперь на различныя орѳографическія упражненія, и, прежде всего, конечно, многочисленныя диктовки ради усвоенія всѣхъ этихъ 24 правилъ. Но сбереженіе ещо увеличится, если 7) относитель-

но вопроса о слитномъ и полуслитномъ начертаніи сложныхъ словъ вообще и нарѣчій въ особенности, улетучатся тѣ 47 правилъ, изключеній, замѣтокъ, которыми такъ поражаютъ шесть страничекъ Акад. руков., посвященныхъ этому вопросу, и замѣнятся тремя, наиболѣе нужными и выше нами изложенными правилами. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого мало разработаннаго отдѣла можетъ оказаться надобность ещо въ одномъ, двухъ правилахъ относительно нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, но во всякомъ случаѣ общее число не должно доходить до такой поразительной цифры, какъ 47; чуть не полсотни! Если только въ семи случаяхъ насчитывается семьдесятъ одно (71) правило, то какова же должна быть общая сумма всѣхъ правилъ въ цѣломъ Академ. руководствѣ? и будь у насъ поболѣе досуга, и посильнѣе зрѣніе, мы не полѣнились бы точнѣйшимъ образомъ опредѣлить эту сумму; въ случаѣ упрека, что мы намѣренно смѣшиваемъ въ одну кучу и правила и изключенія, и отрывочныя замѣтки, и даже выноски внизу страницъ, мы отвѣтимъ, что для практическаго изученія орѳографіи, правила и изключенія безразличны, послѣднія даже труднѣе для усвоенія, какъ все стоящее особнякомъ, отрывочное и мелочное. Впрочемъ желающимъ болѣе точнаго опредѣленія суммы правилъ можно посовѣтовать обратиться къ обстоятельному оглавленію самого Академическаго руководства; внимательный просмотръ этого оглавленія даетъ довольно точное понятіе объ изумительной роскоши орѳографическаго кодекса. Однако и этой роскоши недовольно для школьной практики: кромѣ общеобязательныхъ правилъ, она выработала ещо особый спеціальный типъ правилъ *отрицательныхъ*; въ любомъ учебникѣ рядомъ съ нѣкоторыми положительными правилами стоятъ и отрицательныя. Такъ напр. мало прямаго указанія, гдѣ должно писать б. *ъ*, во многихъ учебникахъ считается нужнымъ ещо рядъ запрещеній, когда нельзя писать эту букву: — тотчасъ же за объясненіемъ, что соединительными гласными въ сложныхъ словахъ бываютъ гласныя *о* и *е*, слѣдуетъ «примѣчаніе: соединительн. гласными никогда не бываютъ *ъ* или *а*;»

или объясненіе того, въ чомъ состоитъ полногласіе, сопровождается такимъ примѣчаніемъ: «при полногласіи должно всегда писать *е*, а не *ѣ*: серебро, пелена; *о*, а не *а*: голова, борода (а не галава, барада)», хотя именно эти 4 слова непосредственно передъ примѣчаніемъ были уже приведены, какъ примѣры полногласія; на тойже страницѣ вопросъ о сочетаніи гласныхъ съ согласными, занимающій всего четыре строчки и заключающій главнымъ образомъ запрещеніе не писать извѣстныхъ буквъ послѣ шипящихъ, заканчивается такимъ неизвѣстно для кого нужнымъ отрицательнымъ внушеніемъ: «послѣ гортанныхъ никогда не пишется *ы*, но—(почему бы вмѣсто тире не поставить для ясности «всегда») *и* (гибель, хитрость)». Эти послѣднія три примѣра отрицательныхъ правилъ взяты изъ учебника, считающагося однимъ изъ лучшихъ (см. Кратк. уч. р. гр. Поливанова изд. 1880 г. стр. 34 и 32). Но въ этомъ же учебникѣ на стр. 64, гдѣ ради наглядности жирнымъ шрифтомъ напечатана табличка личныхъ окончаній глагола, а въ числѣ ихъ, конечно, и оконч. 2 л. *шь*, вы уже не найдете отрицательнаго правила о томъ, что во 2 лицѣ никогда не пишется на концѣ *ъ*, правила которое часто фигурируетъ вслѣдъ за табличкою въ другихъ учебникахъ. Откуда же взялся этотъ отрицательный пріемъ, сбивающій только съ толку малыхъ сихъ, которыя во время безконечныхъ диктовокъ, на скорую руку припоминая всѣ эти отрицательныя правила рядомъ съ положительными, невольно перепутываютъ ихъ? Если подавляющее обиліе правилъ въ такомъ законодательномъ руководствѣ, какъ Академическое, свидѣтельствуетъ о неудовлетворительности самой системы орѳографіи, гдѣ изъ трехъ началъ самое неустойчивое начало давности оказываетъ до сихъ поръ такое давленіе на остальныя два, гораздо болѣе его уважительныя, то существованіе въ элементарныхъ учебникахъ ещо отрицательныхъ, такъ сказать, сверхштатныхъ правилъ прямо объясняется несостоятельностью метода, тоже благодаря только своей давности до сихъ поръ пользующагося уваженіемъ, по крайней мѣрѣ, въ средней школѣ, метода, по которому главнымъ, а

часто и изключительнымъ орѳографическимъ упражненіемъ, ведущимъ прямо къ безошибочному письму, является упражненіе въ дѣланіи ошибокъ т. е. письмо подъ диктовку. Въ этихъ-то ошибкахъ и кроется корень отрицательныхъ правилъ и, если имѣть въ виду все разнообразіе этихъ ошибокъ, то вышеприведеннымъ образчикамъ этихъ правилъ недостаетъ полноты и обстоятельности; мы, если бы находили такія правила полезными для учащихся, изложили бы, напр. одно изъ нихъ такъ: «соединительн. гласными въ сложн. словахъ изъ твердыхъ никогда не бываютъ ни *а*, ни *у*, ни *ы*, а всегда только *о* и ничего болѣе; равнымъ образомъ изъ мягкихъ никогда не бываютъ ни *э*, ни *и*, ни *я*, а всегда только *е* и ничего болѣе»; въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ и томже классѣ, въ одномъ и томже диктантѣ могутъ у разныхъ учениковъ оказываться и разныя ошибки: вода*а*возъ, вод*у*возъ, вод*ы*возъ или пут*ъ*шествіе, пут*и*шествіе, путяшествіе.—Трудно и учителю подвести цифровой итогъ всѣмъ орѳографическимъ правиламъ, но ещо труднѣе учащимся усвоеніе этихъ многочисленныхъ правилъ, такое усвоеніе, при которомъ по первому востребованію они могли бы быстро и вѣрно примѣнять ихъ къ дѣлу; многія изъ учащихся, зная правила, забываютъ воспользоваться ими при письмѣ; другія, впрочемъ немногія, тѣ именно счастливчики, которымъ на роду написано писать правильно, забыли и самыя правила, тѣмъ не менѣе пишутъ правильно.

Теперь, покончивъ съ итогами нашего крайне скромнаго проэкта упрощенія орѳографіи, ограничивающагося всего только семью случаями, необходимо поближе разсмотрѣть то, что явится главною помѣхою для осуществленія такого скромнаго, безобиднаго и во всякомъ случаѣ благонамѣреннаго, имѣющаго въ виду лишь пользу учащихся проэкта. Главною помѣхою окажется все таже неумолимая, какъ судьба, давность. Но давностей существуетъ три: 1) давность историческая въ строгомъ смыслѣ, давность, коренящаяся въ самой этимологіи словъ, 2) давность обычая вообще, обычая подчасъ неосмысленнаго, давность, сравнительно съ первою слу-

чайная и неустойчивая; но эти обѣ давности для большинства пишущихъ — нѣчто нечувствительное, отвлеченное, и только третья давность является вполнѣ реальною; это—давность личной привычки каждаго изъ пишущихъ, та вторая натура, благодаря которой письмо становится совершенно механическимъ дѣломъ; въ то время, какъ глазъ слѣдитъ за быстрымъ движеніемъ руки, пишущей *Владиміръ* или *Алексѣй* или *перемиріе*, въ головѣ, занятой содержаніемъ излагаемой мысли, не является никакихъ соображеній насчотъ готскаго или греческаго языка или припоминаній относительно того вѣка, съ котораго начали по примѣру южнославянскаго правописанія употреблять *і* передъ гласными и т. д. Какое дѣло усвоившему правильное письмо до языковъ, которыхъ онъ никогда не изучалъ, и до архивныхъ справокъ, въ которыхъ никогда не нуждался для своей профессіи, хотя бы въ тоже время этотъ человѣкъ и не былъ столь беззаботнымъ насчотъ орѳографической теоріи, что ни разу не потрудился заглянуть въ Академ. руководство? Словомъ, неудачи всѣхъ бывшихъ доселѣ попытокъ какихъ-либо измѣненій, даже самыхъ основательныхъ, объясняются этой третьей давностью, и чѣмъ старѣе эта давность, тѣмъ труднѣе глазу примириться съ необычнымъ для него начертаніемъ, хотя бы это начерганіе касалось одного только случая, встрѣчающагося далеко не на каждомъ шагу. Если кто въ теченіе 20, 25 лѣтъ писалъ, наприм. по Буслаеву окончаніе род. пад. ед. ч. муж. рода прилагательныхъ *аго*: *злаго*, *роднаго*, *дорогаго*, *городоваго*, — тотъ ужь не промѣняетъ эту привычную, такъ сказать, московскую форму на другую, почти уже всѣми забытую, форму съ оконч. *ого* 30хъ и 40хъ годовъ, возстановленную лишь съ 1885 г. Акад. руководствомъ, форму, которую, по обилію встрѣчающихся въ ней подчасъ буквъ *о*, въ отличіе отъ первой, можно назвать ярославскою, какъ напр. *злого*, *родного*, *дорогого*, *городового* и т. п. (отъ 2 до 5 *о*). Хотя бы умъ и признавалъ вѣрнымъ мнѣніе о какомъ-то особомъ образованіи прилагательнаго полной формы въ русск. языкѣ сравнительно съ ц.—славян-

скпмъ, не придавая въ тоже время значенія недоумѣнію, почему это особое, отличное отъ ц.-славянскаго образованіе не обнаружилось въ большинствѣ прилагательныхъ, т. е. прилагательныхъ, не имѣющихъ удареній ни на оконч. род. над. *аго*, ни на оконч. имен. *ый*, которое 70 лѣтъ назадъ Карамзинымъ почти сплошь писалось *ой* (милой, любезной, доброй, даже двнадесятой и которой и т. д) *); но глазъ будетъ въ разладѣ съ умомъ, и рука скорѣе подчинится первому, чѣмъ послѣднему. Когда же передъ глазомъ вдругъ продефилируетъ цѣлая вереница словъ съ новыми, никогда невиданными физіономіями, то глазъ будетъ поражонъ чуть не до боли. Вотъ образчикъ, нарочно составленный вопреки орѳографіи (благополучно существовавшей до 1885 г. и нынѣ продолжающей существовать, хотя уже и не такъ благополучно), но согласно съ гротографіей (правописаніемъ Акад. руководства): поваръ *Владимиръ*, желая *серіознымъ* образомъ спрыснуть свой новый *сертукъ*, купилъ *склянку* вина, фунтъ *вядчины*, пару *колачей*; напекъ *вотрушекъ*, пироговъ съ кашей и *снитками*, сварилъ уху изъ *пескарей* и пригласилъ *родного* дядю *Остафія*, *городового второго* участка, и *другого* дядю, *Онисима*, *отставного камеръ-лакея*, а также сестру *Олену* и *свояченицу Овдотью*; всѣ они обѣщали *притти* непремѣнно. Не забылъ *Владимиръ* и любимца своего, *ручного снѣгиря*, который съ *лодони* и чужихъ клевалъ крошки; Трезорка, обыкновенно, послѣ недавняго ея возвращенія изъ бѣговъ *во-свояси*, привязываемая на *бечевкѣ* у *конуры*, на этотъ разъ получила свободу.» Если бы большинство изъ 22хъ случаевъ гротографическаго письма, втиснутыхъ въ этотъ отрывокъ (одинъ изъ нихъ—оконч. на *ого* встрѣчается почти сряду 5 разъ), и желалъ иной принять не только къ свѣдѣнію, но и къ исполненію, то консерватизмъ глаза настолько бы сталъ противодѣйствовать такому либерализму, что потребовались бы такія постоянныя усилія, на которыя рѣшился бы развѣ

*) Даже оконч. прилагат. мягкихъ изображалось вм. *ій*, черезъ *ой*, напр: великой, всякой, дерзкой, маленькой, царской, тихой и т. д. (см. Сочин. Карамзина М. 1820 г. напр. томъ VI).

только другъ дѣтей (и то изъ учителей), чтобы своимъ личнымъ примѣромъ содѣйствовать усвоенію гротографіи учащимися. Да, привычка глаза, какъ и всѣ наши давнія привычки, начало которыхъ относится къ доисторической эпохѣ нашей жизни, отличается замѣчательною крѣпостью; съ привычкою глаза прежде всего и приходится считаться при попыткахъ какихъ-либо реформъ въ орѳографіи *). Этою силою привычки легко объясняется то крайне преувеличенное значеніе, какое обыкновенно придается и принципу различенія смысла посредствомъ начертанія, будутъ ли то два значенія слова *миръ* или муж. ж. и ср. р. мн. ч. прилагательныхъ, и тому огульному единообразію, вопросъ о которомъ пять лѣтъ назадъ поднятъ былъ, благодаря Акад. руководству, съ настойчивостью, дотолѣ небывалою, такъ какъ за первымъ же его изданіемъ послѣдовало и оффиціальное предписаніе слѣдовать при обученіи его указаніямъ.

Попробуемъ однако оглянуться лѣтъ за 28 назадъ, на 1862 годъ, годъ орѳографическаго конгресса въ Петербургѣ,

---

*) Здѣсь нелишнимъ будетъ привести преданіе, заключающее въ себѣ наглядный примѣръ силы орѳографической привычки. Лѣтъ 40 назадъ, одно изъ среднеучебныхъ заведеній (военнаго вѣдомства) посѣтилъ ревизоръ почтенныхъ лѣтъ и въ генеральскомъ чинѣ; обходя по порядку классы, зашолъ онъ на урокъ русскаго языка въ 4мъ классѣ; на урокѣ производила диктовка; одинъ изъ учениковъ писалъ на доскѣ, прочія въ тетрадяхъ; по окончаніи диктовки учитель, исправляя написанное на доскѣ, обратилъ особенное вниманіе на б. *ъ* въ словѣ *предмѣтъ* и далъ общеизвѣстное объясненіе, почему нужно послѣ *м* писать *е*, а не *ъ*. Въ то время, какъ учитель вслѣдъ за объясненіемъ поднялъ руку на *ять* и рѣшительно зачеркнулъ се, ревизора всего какъ-то передернуло, онъ сильно крякнулъ, хотѣлъ повидимому что-то сказать, но промолчалъ. Оставляя классъ, генералъ подошолъ къ учителю и, громко выразивъ ему свое удовольствіе, вполголоса прибавилъ слѣдующее: «насчетъ предмета, что вы объясняли, конечно, все это прекрасно; но тѣмъ не менѣе я просилъ бы васъ писать попрежнему *ять*, а то, согласитесь, странно какъ-то видѣть предметъ безъ *яти*.... надѣюсь, вы уважите мою просьбу!» Эта школьная легенда вызываетъ у васъ невольную улыбку; но почему же вы совершенно серьезно принимаете къ свѣдѣнію и къ исполненію не просьбы, а требованія орѳографическаго кодекса даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ кодексъ, констатируя самъ ту или другую «особенную непослѣдовательность» правописанія, тѣмъ не менѣе оставляетъ ее въ прежней силѣ?

заглянемъ въ статью «По поводу толковъ о правописаніи», вызванную въ то время этимъ конгрессомъ и помѣщонную вторично (всего 14 лѣтъ тому назадъ) въ приложеніи къ II т. Филол. Разысканій (изд. 2-ое 1876 г.). Здѣсь на стр. 383 находимъ прежде всего первыя строки «Капитанской дочки», напечатанныя для образца безъ *ъ* на концѣ словъ: «Отецъ мой Андрей Петровичъ Гринев в молодости своей служил при графѣ Минихѣ и вышел в отставку премьермаіоромъ в 17** году; с тѣх пор жил он в своей симбирской деревнѣ....» Далѣе же читаемъ слѣдующее: «Такое письмо на первыхъ порахъ конечно показалось бы дикимъ. Но сознáемся, что противъ него можно замѣтить только одно: мы не видимъ въ немъ того, къ чему нашъ глазъ привыкъ, но что мы сами находимъ лишнимъ. Отбросивъ *ъ* въ концѣ словъ, мы бы освободили и себя отъ лишняго труда, и самое письмо отъ обремененія безполезными знаками». Коротко, сильно и вѣрно сказано, но ещо болѣе убѣдительныя доводы представляютъ дальнѣйшія слова: «Кто не допускаетъ въ письмѣ сокращеній для скорости? Какъ же не хотѣть допустить такого, которое не только не затемняетъ смысла, но и вообще не влечетъ за собою ни малѣйшаго неудобства, потому что рѣчь идетъ не о представителѣ звука, а о мертвой буквѣ, лишенной звуковаго значенія». Какъ далеки эти строки, въ которыхъ живое такъ рѣшительно ставится выше мертваго, отъ того безусловнаго поклоненія мертвому, такъ рѣзко сказывающагося въ постоянныхъ «нѣкогда» и «издавна»! Но мы ещо не все прочитали: остаются ещо два довода, а именно: «Сербы, усвоивъ себѣ нашу гражданскую азбуку, не приняли однакожъ *ерова* и читаютъ напримѣръ *под владом турским* безъ всякаго затрудненія». Какая иронія судьбы! вырывается у насъ невольное возклицаніе—одно изъ южнославянскихъ племенъ, усвоивая нашу азбуку, не задумалось избавить себя отъ лишняго затрудненія, а мы надумали навязать себѣ лишнюю заботу ради *і* (съ точкою) въ подражаніе южно-славянскому письму (см. Акад. руков. стр. 59). Заканчивается же приводимое нами замѣчательное мѣсто изъ

II т. Филолог. Разыск. такъ: «Прибавлю, что А. Х. Востоковъ и И. И. Срезневскій, которымъ я сообщилъ эти замѣчанія, вполнѣ согласны со мною во взглядѣ на излишество буквы ъ въ концѣ словъ». Такъ сильно возставалъ академикъ Гротъ, тому назадъ 28 и даже 14 лѣтъ, противъ *ера*, этого дармоѣда, какъ называемъ мы его и называемъ недаромъ, потому что по приблизительному вычисленію одна буква *еръ* поглощаетъ 8% всѣхъ типографскихъ издержекъ (см. Фил. Раз. т. II, стр. 236). Тѣмъ не менѣе дармоѣдъ, не смотря на всѣ нападки на него, начавшіяся чуть не съ началомъ гражданской печати, продолжаетъ разыгрывать роль Крыловскаго кота, и всѣ изданія самого академика Грота напечатаны съ *ерами* (только «византійская прабабушка» ѳита была изгнана изъ нихъ и то на какія-нибудь 10—12 лѣтъ). Но, принимая во вниманіе, что *еръ*, изъ всѣхъ дармоѣдовъ самый скромный, не лишонъ нѣкотораго этимологическаго значенія (какого вовсе не имѣетъ, кстати сказать, *і*, которую однако оставляютъ въ покоѣ), и главное почти никогда не затрудняетъ изучающихъ орѳографію, мы не будемъ особенно сѣтовать; для насъ важно не то, существуетъ *еръ* или нѣтъ, а то, что не разъ высказывалось мнѣніе о безполезности *ера* и не разъ дѣлались попытки его упраздненія, слѣд. признавалась возможность такого упрощенія. Если частныя попытки не вызывали общаго подражанія, то потому что буква ъ, сравнительно съ другими, болѣе или менѣе обременительными буквами, какъ *ѣ*, *і*, *э*, встрѣчаясь гораздо чаще, слишкомъ пріучаетъ къ себѣ глазъ; среднимъ числомъ на страницѣ въ 35—36 строкъ буква ъ встрѣчается столько разъ, что изъ всѣхъ еровъ можетъ составиться цѣлая строка; такимъ образомъ на 35 строкъ приходится строчка изъ однихъ еровъ. Несравненно легче для осуществленія наше предложеніе упрощенія въ семи случаяхъ, встрѣчающихся на письмѣ гораздо рѣже, такъ сказать, вразсыпную *). Итакъ,

*) Едва ли обратилъ на себя особенное вниманіе кого-либо изъ читателей этого этюда объ орѳографіи вообще и о гротографіи въ частности, наприм., опытъ возстановленія на его страницахъ этимологическаго начерта-

не смотря на всю силу третьей давности т. е. привычки, возможность упрощеній въ орѳографіи признается *de jure*; *de facto* эта сила привычки никогда не допуститъ упрощеній, особенно такихъ радикальныхъ, какъ изгнаніе *еровъ*, если вы не начнете съ начала, т. е. со школьныхъ букварей *). По вопросу о значеніи школы въ дѣлѣ реформированія орѳографіи мы снова обратимся къ авторитету. На стр. 318 тѣхже Фил. Раз. (т. II), но уже не въ приложеніи, а въ самомъ текстѣ V главы, посвященной *Критическому разбору современнаго правописанія* находимъ по поводу все тогоже *ера* слѣдующ. интересное замѣчаніе: «..... въ настоящее время, когда вслѣдствіе великихъ изобрѣтеній уже достигнута изумительная скорость передвиженія, а телеграфами и стенографіей скорость эта еще въ усиленной степени примѣнена къ сообщенію мысли, частое употребленіе лишней буквы на письмѣ является нѣсколько страннымъ анахронизмомъ (sic!)...» послѣ такого довольно рѣзкаго осужденія лишней буквы, вы въ правѣ ожидать соотвѣтствующаго рѣшительнаго вывода—«но», читаемъ далѣе «минута отмѣны

нія предлоговъ *воз*, *из*, *низ*, *раз*; если же чей глазъ и покалывали слегка эти маленькія занозы, то едва ли это затрудняло хоть сколько-нибудь чтеніе. Что же до остальныхъ случаевъ упрощенія (относит. *о* ударяемаго послѣ шипящихъ, окончн. *ія* во множ. ч. муж. р. прилагат. и т. д.), то они, вѣроятно, еще менѣе могли служить помѣхою. Мы разумѣемъ здѣсь читателя не спеціалиста, конечно, а профана, читателя безпристрастнаго (если только такой читатель будетъ имѣть терпѣніе дочитать до этого мѣста). Такому читателю черезчуръ серьезныя заботы и слишкомъ горячія препирательства спеціалистовъ о тѣхъ или другихъ орѳографическихъ дрязгахъ должны, и не безъ основанія, казаться не менѣе забавными, чѣмъ тотъ споръ, который происходилъ чуть не полтора вѣка назадъ между Тресотиніусомъ и Бобембіусомъ, споръ о литерѣ *твердо*: которое твердо правильнѣе—о *трехъ* ли ногахъ или объ *одной* ногѣ? (см. ком. Сумарокова „Тресотиніусъ“ 1750 г.).

*) Вотъ поучительный случай изъ практики домашняго обученія грамотѣ. Объяснили дѣвочкѣ, что *еръ*—такая буква, которая не читается, и она всякій разъ, когда замѣчала на концѣ слова *еръ*, предварительно прикрывала *еръ* пальцемъ и держала его подспудомъ во все время складыванія слова; такимъ образомъ дѣвочка сама упразднила этого нѣмаго дармоѣда, на котораго боятся поднять руку не только составители букварей, но даже и академики.

ера повидимому еще не настала»... И теперь, спустя 14 лѣтъ, прибавимъ отъ себя, послѣ того какъ въ этотъ промежутокъ времени къ стенографіи и телеграфамъ прибавились ещо новыя, не менѣе великія изобрѣтенія телефона и фонографа, послѣ того какъ Акад. руководство, гдѣ впрочемъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на анахронизмъ *ера*, успѣло уже въ какіе-нибудь полтора года выдержать 6 изданій, эта важная минута по прежнему все ещо не настаетъ! Однако какъ бы въ утѣшеніе, послѣ вышеприведенной фразы, начинающейся разочаровывающимъ *но*, слѣдуетъ такая замѣтка: «Есть однакожъ поводъ думать, что учащееся нынѣ» (т. е. въ 1876 году) «поколѣніе наконецъ освободитъ наши исходныя согласныя отъ ихъ неотвязчиваго спутника». Правда, эта надежда тоже не оправдалась, такъ какъ то учащееся поколѣніе, теперь уже всему обучившееся и разставшееся съ школой, ничего не сдѣлало для освобожденія насъ отъ *еровъ*, да и не могло сдѣлать, потому что въ школѣ само училось по букварямъ съ *ерами*, на самовольную же попытку отдѣлаться отъ *еровъ* на письмѣ было бы немедленно наложено строжайшее *veto*; а за порогомъ школы всякому ужь не до *еровъ*. Но самый фактъ, что надежда возлагалась именно на учащееся поколѣніе, какъ менѣе консервативное по отсутствію какихъ-либо закоснѣлыхъ привычекъ, для насъ знаменателенъ, и мы ещо разъ и не первый заявляемъ, что нужно начинать со школы, но, конечно, съ разрѣшенія высшей учоной инстанціи; это—conditio sine qua non. Если бы Академіей былъ изданъ особый указатель, въ которомъ, подобно 121 случаю двоякаго начертанія, помѣщонному въ Справочн. указателѣ Академ. руководства, были бы напечатаны всѣ случаи, гдѣ въ видахъ упрощенія допускается двоякое письмо, успѣхъ тѣхъ упрощеній, которыя особенно нужны и совершенно основательны, былъ бы вполнѣ обезпеченъ, и въ борьбѣ за существованіе различныхъ начертаній, можно быть увѣрену, одержалъ бы побѣду не слѣпой обычай, а болѣе разумное начало. Такой указатель, отдѣльный отъ общаго справочнаго указателя, представляется намъ въ такомъ видѣ (здѣсь для удобства нѣсколько сокращонномъ).

Указатель случаевъ двоякаго письма.

пишутъ	можно писать
1. *о* ударяемое послѣ шипящихъ въ *такихъ-то* и *такихъ-то* случаяхъ.	1. *о* ударяемое послѣ шипящихъ во *всѣхъ* случаяхъ.
2. приставки *вос, ис, нис, рас,* какъ они *слышатся* передъ согласными *к, п* и т. д.	2. приставки воз, из, низ, раз этимологически наравнѣ со *всѣми* другими.
3. *миръ* (тишина) и *міръ* (вселенная).	3. въ *обоихъ* значеніяхъ *миръ.*
4. *іе* оконч. прилагат. муж. р. множ. ч. им. п.	4. *ія* наравнѣ съ *женск.* и *средн.* р.
5. *іи* вм. *іѣ* въ предл. п. ед. ч. сущ. имѣющихъ передъ оконч. букву *і* (о Димитріи).	5. *іѣ* наравнѣ съ сущ. имѣющими въ имен. ед. мягк. оконч: *й* (рай), *я* (няня), *е* (поле)—(о Димитріѣ).
6. Алексѣй, Матвѣй, Сергѣй и т. п.	6. Алексей, Матвей, Сергей и т. п.
7. во-свояси, по-свойски; тотъ же, та же, то же; такъ же—какъ (союзы) и т. п.	7. восвояси, посвойски; тотже таже, тоже; также — какъ (союзы) и т. п.
и т. д. и т. д.	

Такимъ указателемъ, точно опредѣляющимъ всѣ случаи дозволительнаго уклоненія отъ обычнаго письма, уклоненія, которое никѣмъ и никому не должно быть вмѣняемо какъ погрѣшность, были бы довольны и учителя, избавленныя отъ необходимости объяснять лишнія правила, а ещо болѣе ученики, ибо, чѣмъ меньше правилъ, тѣмъ меньше и ошибокъ, а чѣмъ меньше ошибокъ, тѣмъ рѣже и дурныя баллы. Скажутъ: учащихся будетъ сбивать съ толку печать; но 1) почему бы и печати не помочь школѣ, вводя то, что дозволено послѣдней? 2) въ младшемъ возрастѣ, когда закладывается фундаментъ грамотнаго письма, учащихся, мало имѣющихъ дѣла съ печатью, не могутъ смущать разногласія; учащіяся же старшаго возраста, уже овладѣвшія грамотнымъ письмомъ,

если и будутъ подчасъ недоумѣвать, то во всякомъ случаѣ немногія и притомъ не особенно часто, какъ это случается и теперь; но, какъ теперь въ случаѣ вопроса: почему слова: *хмель*, или *лькарь*, *снитки*, или *снѣгирь* въ книгахъ пишутся *хмѣль*, *лекарь*, *снятки*, *снигирь?* вы необинуясь отвѣчаете, что для послѣднихъ начертаній нѣтъ никакихъ основаній, кромѣ слѣпаго обычая; такъ и тогда послѣдуетъ подобный же отвѣтъ на вопросы: почему предлоги *воз*, *из*, *низ*, *раз* пишутся *нис*, *рас*, *вос*, *ис*, или почему въ им. п. множ. ч. муж. р. прилагат. пишется *іе*, а не *ія*? и т. д. Итакъ, по примѣру академика Грота, мы также возлагаемъ надежду на учащихся съ тою однако разницею, что его надежда касается лишь одной отмѣны *ера*, но отмѣны особенно затруднительной, мы же питаемъ надежду на возможность черезъ школу провести отмѣну въ семи уже указанныхъ и другихъ пока незатронутыхъ случаяхъ, но случаяхъ менѣе затруднительныхъ; кромѣ того, академикъ Гротъ, возлагая надежду на учащихся, предоставляетъ имъ какъ бы на собственный страхъ и рискъ поднять руку на дармоѣда ера; мы же считаемъ возможнымъ осуществленіе предлагаемыхъ нами и другихъ подобныхъ отмѣнъ, лишь при гарантіи свыше въ формѣ указателя, дозволяющаго извѣстныя отмѣны въ видѣ опыта; и опытъ этотъ нисколько не опасенъ: въ борьбѣ за существованіе разногласящихъ начертаній въ концѣ концовъ, еще разъ выражаемъ нашу увѣренность, должно одержать побѣду начало болѣе разумное, чѣмъ слѣпой обычай, если эту борьбу начнутъ, сами ея не чувствуя, бойцы, чуждыя какихъ-либо привычекъ и обычаевъ, на почвѣ нейтральной, какою является школа; сѣмя, посѣянное въ школѣ, принесетъ плодъ и въ жизни: новое поколѣніе внесетъ новыя начертанія и въ печать, если послѣдняя ранѣе не рѣшится идти противъ обычая; такимъ образомъ, черезъ какихъ-нибудь два поколѣнія необычное сдѣлается обычнымъ. Будущее не въ нашихъ рукахъ, возразятъ намъ, а теперь вы прямо идете наперекоръ «всѣми сознаваемой потребности въ единообразіи», констатированной Академіей Наукъ, именно тою высшей ученой ин-

станціею, отъ которой по странной недальновидности вы ожидаете потворства какому-то небывалому доселѣ двоеобразію. Не повторяя того, что сказано было въ самомъ началѣ о сомнительности всеобщей потребности въ единообразіи и о невозможности огульнаго единообразія, мы лучше ещо разъ, въ третій разъ, обратимся къ II тому Филологическихъ Разысканій, гдѣ на стр. 177—178 можемъ прочесть нижеслѣдующее: «Еще Сумароковъ очень умно сказалъ: ‹‹Правописаніе должно быть общее и по естеству дѣла, и по существу слова››. Все это неоспоримо; но здѣсь только одна сторона медали: на оборотной является множество такихъ причинъ разнообразія, которыя вполнѣ устранить едва ли возможно.... Поэтому, какъ ни разумно требованіе единообразія въ правописаніи, это требованіе не должно быть безусловно. Надобно умѣть отличать важныя разногласія отъ неважныхъ. Несоблюденіе этого правила уже не разъ было причиною слишкомъ строгихъ оцѣнокъ и несправедливыхъ взысканій въ школѣ»..... Воистину *золотыя* слова! но дальнѣйшее разъясненіе этихъ словъ ещо болѣе обнаруживаетъ то плодотворное вниманіе, котораго, къ сожалѣнію, довольно рѣдко удостоиваетъ высшая ученая инстанція насущныя интересы низшей учебной ступени.... «Положительныя ошибки», такъ продолжаетъ академикъ свое благоразумное и благожелательное внушеніе намъ учителямъ—«не должны быть терпимы, грубыя заслуживаютъ строгаго осужденія, но если ученикъ напишетъ напр. *свѣденіе* (sic!) вм. *свѣдѣніе*, *жолтый* вм. *желтый*, *возрасло* вм. *возросло*, *лице* вм. *лицо*, то разсудительный учитель конечно не вмѣнитъ въ преступленіе такихъ начертаній. Важно только, чтобы пишущій умѣлъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ пишетъ. Если его основаніе неправильно, то пусть ему объяснятъ это, но всякая сознательная причина имѣетъ право на вниманіе». Чѣмъ далѣе идетъ чтеніе, тѣмъ въ большее приходишь возхищеніе; объ одномъ только недоумѣваешь и сожалѣешь, почему бы тогда же послѣ *Справочн. филологич. указателя* не приложить другаго, такъ сказать, дидактическаго, особенно необходимаго на случай

неразсудительности со стороны учителей, указателя, въ которомъ было бы точно обозначено все то, что нельзя вмѣнять въ ошибку, напр. начертаніе *жолтый* вм. *желтый*; а если ученикъ, по примѣру *жолтый*, напишетъ *жжошь* вм. *жжешь* или *ещо* вм. *еще*, то какъ поступить въ этомъ случаѣ разсудительному учителю? объяснить неправильность основанія, по совѣту академика, и указать болѣе правильное, но откуда же его взять, когда и въ § 41 Акад. руков. его не оказывается (о чомъ было уже достаточно сказано въ своемъ мѣстѣ)? Но какъ бы то ни было, такое небывалое обращеніе къ разсудительности учащихъ и такое гуманное вниманіе къ положенію учащихся было отраднымъ явленіемъ среди ригоризма и педантизма, которыя и безъ того нелегкое отбываніе всеобщей орѳографической повинности дѣлали крайне тяжелымъ для многихъ изъ малыхъ сихъ. Вотъ что говоритъ о ригоризмѣ и педантизмѣ самъ академикъ въ заключеніе приведеннаго нами замѣчательнаго мѣста его книги: «Итакъ, требуя въ правописаніи единообразія и стремясь къ нему, будемъ однакожъ остерегаться педантизма, который во всякомъ частномъ и мелочномъ отступленіи отъ принятыхъ нами начертаній видитъ грамматическую ересь и непростительное невѣжество». Эти слова ободряютъ наще сердце и окриляютъ нашу фантазію: мы уже готовы видѣть нашу мечту осуществленною въ формѣ того параллельнаго указателя, небольшой отрывокъ изъ котораго былъ нами выше представленъ и въ который мы на первый разъ внесли семь образчиковъ упрощеній, заключающихся въ отмѣнѣ не одного десятка правилъ, именно правилъ, частныхъ и мелочныхъ, слѣд. неважныхъ, или мало послѣдовательныхъ и слабо обоснованныхъ, хотя и кажущихся на первый взглядъ важными. Итакъ, единообразіе, котораго, судя по первымъ строкамъ предисловія къ 1-му изданію Академ. руководства, настолько сильно жаждутъ всѣ, именно теперь на исходѣ XIX столѣтія, что оно сдѣлано обязательнымъ для школы, лѣтъ 20, 15 назадъ не было однако такою настоятельностью потребностью, изключавшею возможность какихъ-либо уступокъ въ пользу школы.

Теперь выходитъ что-то странное: всѣмъ нужно единообразіе въ правописаніи, но обучающимся правописанію, если что и нужно, то упрощеніе его, а не единообразіе, чуждое всякаго упрощенія; обучившимся же правописанію уже поздно переучиваться, слѣд. единообразіе и для нихъ не оказывается нужнымъ.

Мы пришли такимъ образомъ къ тремъ выводамъ, поддержку которымъ нашли въ трехъ вышеприведенныхъ мѣстахъ изъ почтеннаго, единственнаго въ своемъ родѣ, можно сказать, классическаго труда академика Грота.

Первый выводъ: какъ ни крѣпка третья орѳографическая давность т. е. личная привычка стараго поколѣнія, для котораго лучшее новое будетъ хуже привычнаго стараго, упрощенія въ орѳографіи и необходимы и возможны прежде всего въ интересахъ школы.

Второй выводъ: эти упрощенія ради школы (даже такія, какъ изгнаніе *ера*) возможны лишь при условіи, если начало имъ будетъ положено въ школѣ же, когда ещо нѣтъ никакихъ окончательно сложившихся привычекъ. Неудачи всѣхъ прежнихъ попытокъ упрощенія объясняются тѣмъ, что начинали съ конца, а не съ начала т. е. школы. Опытъ недавняго введенія единообразія, въ силу циркулярнаго предписанія неуклонно держаться Академическаго руководства, вѣдь тоже сдѣланъ въ школѣ.

Третій выводъ: стремленіе къ единообразію, обязательность котораго для школы, въ виду необходимости упрощеній въ самой орѳографіи, пока ещо преждевременна, не исключаетъ возможности двоеобразія ради именно упрощеній, ведущихъ въ концѣ концовъ къ истинному единообразію; ибо *что просто, то и прочно; а что прочно, то и однообразно*; разнообразіе же произходитъ отъ шаткости основаній, между которыми самымъ ветхимъ фундаментомъ сказывается безсрочная давность.

Итакъ, скажутъ намъ, вы дошли до геркулесовыхъ столбовъ, до необходимости двоеобразія, чуть не до подражанія двоякому египетскому письму: гіератическому и демо-

тическому; попросту говоря, вы проповѣдуете орѳографическій разколъ. На такое обвиненіе въ поползновеніи изъ скромнаго школьнаго учителя возвыситься до степени орѳографическаго ересіарха отвѣтимъ, что это двоеобразіе—временное, ведущее медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ къ дѣйствительному единообразію, что это двоеобразіе лучше кажущагося единообразія тріединой орѳографіи, заключающей въ себѣ, благодаря тремъ основнымъ началамъ, пеструю смѣсь разнородныхъ правилъ; что временное двоеобразіе далеко не такъ страшно, какъ кажется, ибо во всякомъ дѣлѣ при переходѣ отъ стараго къ новому неизбѣжны два борющіяся за существованіе теченія: старое и новое; но что, если въ послѣднемъ есть задатки будущаго, то оно постепенно будетъ поглощать первое, и изъ двоеобразія возникнетъ наконецъ единообразіе. Мы до такой степени привыкли къ старой пѣснѣ о необходимости единообразія,—какъ будто единообразіе если и нужно для интеллигентнаго мира, то прежде всего нужно въ одномъ только правописаніи,—что не дадимъ себѣ труда взвѣсить хорошенько, какія именно вредныя послѣдствія могутъ произойти отъ двоеобразія, хотя бы оно заключалось въ какихъ нибудь семи случаяхъ уклоненій, хотя бы эти уклоненія были достаточно обоснованы. Если бы обыкновенному безпристрастному читателю предложили быть третейскимъ судьей въ вопросѣ о томъ, чувствуется ли дѣйствительно всѣми потребность въ единообразіи, и для этого предварительно прослѣдить за орѳографіей повседневной прессы и вообще современной печати, то онъ не замѣтилъ бы никакихъ такихъ рѣзкихъ разногласій, сколько-нибудь затрудняющихъ чтеніе (за изключеніемъ развѣ интерпунктуаціи Моск. Вѣдомостей); само собою разумѣется, отъ вниманія его ускользнули бы тѣ немногія случаи микроскопическихъ уклоненій, которыя уловимы лишь для глаза спеціалиста, уклоненій въ родѣ тѣхъ, какія допущены нами на страницахъ этого этюда. Если бы этому третейскому судьѣ уже прямо указали эти мелочи, то онъ не задумался бы высказать мнѣніе, что изъ-за подобныхъ мелочей, никакого практиче-

скаго значенія не имѣющихъ, не стоитъ подымать вопросъ о единообразіи, такъ рѣшительно поставленный Академическимъ руководствомъ, но далеко имъ не рѣшонный. Значеніе этого руководства, если сопоставить съ тою несомнѣнною пользою, какую принесъ II томъ Филолог. Разысканій своимъ историческимъ очеркомъ прежняго правописанія и критическимъ обзоромъ современнаго, будетъ, по нашему крайнему разумѣнію, болѣе отрицательное, чѣмъ положительное: это руководство, какъ самый полный кодексъ орѳографическихъ законовъ, развернуло передъ нами все широкое поле русскаго правописанія въ его statu quo со всѣми его камнями и камешками преткновенія, встрѣчающими учащихся въ началѣ курса, сопутствующими имъ во все теченіе его и напутствующими ихъ при окончаніи его; но это руководство не устранило въ видахъ упрощенія ни одного изъ лишнихъ камней преткновенія; сдѣланное обязательнымъ для школы, оно лишь обострило разногласія. Если и можно признать за нимъ нѣкоторое положительное значеніе, то оно заключается лишь въ томъ, что оно, тронувши съ мѣста нѣсколько мелочей и видоизмѣнивши ихъ физіономію, тѣмъ самымъ наглядно показало возможность измѣненій въ орѳографіи живаго языка; мы воспользовались соблазнительнымъ примѣромъ и осмѣлились для цѣли, главнымъ образомъ педагогической, разширить, впрочемъ въ размѣрахъ очень скромныхъ, область измѣненій. Но одинъ не воинъ въ полѣ, такомъ широкомъ и такъ загроможденномъ препятствіями, какъ орѳографія, и нашъ скромный проэктъ, ограниченный только *семью* случаями, по всей вѣроятности, окажется гласомъ вопіющаго, подобно тому, какъ семь лѣтъ назадъ, предлагая собратьямъ по профессіи коллективную работу на пользу учащихся и не во вредъ самому правописанію, мы остались въ обидномъ одиночествѣ. Какъ бы то ни было, если въ принципѣ измѣненія въ орѳографіи допускались и прежде, допускаются и теперь, допускаются и у насъ и заграницей, то и наша попытка не можетъ считаться незаконною, можно лишь оспаривать основаніе измѣненія въ томъ или другомъ случаѣ. Если же намъ,

школьнымъ учителямъ, поставятъ на видъ, что, не трогая самой орѳографіи болѣе того, какъ она тронута въ Академич. руководствѣ, пристойнѣе для облегченія труда учащихся прибѣгать къ средствамъ строго дидактическимъ, какъ напр. усовершенствованіе метода и пріемовъ обученія, составленіе цѣлесообразныхъ практическихъ пособій, то справедливость этого, конечно, слѣдуетъ признать, но лишь при условіи, если самый предметъ обученія не заключаетъ въ себѣ такихъ неудобоваримыхъ элементовъ, противъ которыхъ оказываются безсильными мѣры дидактическія. Если наконецъ самая цѣль нашей скромной попытки упрощенія будетъ признана недостаточно уважительной на томъ основаніи, что русское правописаніе какъ прежде, такъ въ особенности теперь, послѣ изданія Академическаго руководства, какъ послѣдняго непререкаемаго слова науки, не представляетъ никакихъ такихъ затрудненій, которыя требовали бы чрезвычайныхъ мѣръ упрощенія, что вообще трудность усвоенія правописанія слишкомъ преувеличивается подобно тому, какъ преувеличивается и недавно открытое «переутомленіе» учащихся, то намъ придется, съ глубокимъ вздохомъ сказавши: oleum et operam perdidi! махнуть безнадежно рукой и на вопросъ о единообразіи, какъ на вопросъ совершенно праздный и ни для кого въ сущности неинтересный, и на самую орѳографію со всей путаницей и дрязгами ея мелочной, покрытой толстымъ слоемъ архивной пыли казуистикой, и—хватаясь за соломинку, развѣ для отдаленнаго потомства, если только оно не додумается до такой усовершенствованной системы стенографіи, которая съ успѣхомъ замѣнитъ всяческую орѳографію, повторить ещо разъ, третій и послѣдній разъ свое *e pur se muove*: «что просто, то и прочно; а что прочно, то и однообразно.»

Какъ послѣсловіе, будутъ нелишними слѣдующія общія положенія, вкратцѣ напоминающія о томъ, что въ самомъ этюдѣ изложено и неособенно послѣдовательно и мѣстами нѣсколько пространно.

1. Если и желательны какія-либо реформы въ области орѳографіи, то прежде всего тѣ, которыя имѣютъ въ виду упрощеніе, дающее въ результатѣ возможно бо̀льшее сокращеніе безчисленныхъ правилъ, изключеній, замѣтокъ и оговорокъ и такимъ образомъ облегчающее дѣло школьнаго обученія.

2. Упрощеніе, а слѣдов. и однообразіе, возможно лишь при условіи рѣшительнаго преобладанія одного изъ трехъ основаній, на которыхъ балансируетъ нынѣ дѣйствующая система тріединой орѳографіи. Какое же изъ основаній: этимологическое или фонетическое (традиціонное въ его узкомъ архивномъ смыслѣ не должно вовсе приниматься въ разчотъ) должно получить преобладающее значеніе — этотъ вопросъ можетъ быть рѣшонъ лишь путемъ обстоятельной научной разработки русской фонетики, разработки, которая должна между прочимъ разъяснить, какія именно явленія фонетическія и почему именно не могутъ считаться въ тоже время и явленіями этимологическими; почему, наприм., фонетическій законъ ослабленія звучности согласныхъ (безъ поддержки ихъ гласными въ концѣ или срединѣ словъ) не признается явленіемъ этимологическимъ, обязательнымъ и для орѳографіи, наравнѣ съ фонетическимъ закономъ смягченія согласныхъ (пишемъ: садовникъ, са*ж*ать, наса*ж*деніе: но не пишемъ: са*т*ъ, поса*т*ка).

3. Если въ русской орѳографіи, какъ прежде преобладалъ, такъ и впредь долженъ преобладать характеръ этимологическій, то eo ipso всякія случайныя уступки, какъ слѣдствіе потворства акустическому насилію и этимологическому невѣжеству (въ родѣ: вос, ис, нис, рас, вм. воз, из, низ, раз; склянка вм. стклянка; двѣсти вм двѣстѣ; кляну вм. клену; гдѣ, здѣсь, вездѣ, индѣ, вм. кде, сдесь, весде, инде) должны быть рѣшительно отвергнуты.

4. Начало примѣненія къ дѣлу всяческихъ упрощеній, какія окажутся возможными, послѣ того какъ будутъ установлены взаимныя отношенія обоихъ основаній: главнаго и побочнаго, должно быть положено на дѣвственной почвѣ школь-

наго обученія, конечно, при условіи, если новыя начертанія никѣмъ и ни въ какомъ случаѣ не будутъ вмѣняемы въ ошибки.

5. Какъ неудобства временнкго разнообразія вслѣдствіе тѣхъ или другихъ упрощеній, такъ и якобы всѣми чувствуемая потребность однообразія слишкомъ преувеличиваются воображеніемъ тѣхъ, чьи зрительныя навыки настолько дѣлаютъ ихъ близорукими, что они не допускаютъ даже для не имѣющихъ ещо никакихъ зрительныхъ навыковъ возможности иныхъ начертаній, хотя бы и болѣе основательныхъ; хотя бы для нихъ самихъ и необязательныхъ. Наглядным доказательствомъ того, что нѣкоторыя новыя, отличныя отъ обычныхъ начертанія для непредубѣжденнаго читателя не представляютъ никакихъ чувствительныхъ неудобствъ, можетъ служить этотъ самый этюдъ, на страницахъ котораго тамъ и самъ встрѣчаются нововведенія относительно 5ти, 6ти случаевъ изъ числа требующихъ упрощенія ради удобствъ учащихся, а также и учащихъ.

6. Академическое руководство, ревниво оберегая орѳографію въ ея statu quo со всѣми стародавними наростами, но допуская въ тоже время хотя и немногія частныя (едва ли для кого особенно нужныя) отмѣны, способствуетъ усиленію, а не ослабленію разнообразія и тѣмъ самымъ наглядно доказываетъ, что цѣлію подобныхъ руководствъ должно быть не однообразіе (во что бы то ни стало), потребность въ которомъ для умѣющихъ писать болѣе чѣмъ сомнительна и осуществленіе котораго при помощи мелочныхъ поправокъ совершенно невозможно, а — ведущее постепенно къ однообразію упрощеніе, необходимость котораго для обучающихся грамотному письму вполнѣ очевидна всякому, стоящему близко къ дѣлу обученія, и возможность котораго въ стѣнахъ школы не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Что же до вѣчнаго припѣва къ заголовкамъ учебныхъ пособій по русскому языку (грамматикъ и хрестоматій): «правописаніе академическое», то онъ не можетъ служить свидѣтельствомъ того, что Академическое руководство дѣйстви-

тельно наградило школу такою новою системою орѳографіи, которая далеко оставляетъ за собой прежнюю и въ научномъ, и въ педагогическомъ отношеніи и которую, въ честь составителя руководства, слѣдовало бы по справедливости наименовать *гротографіею.*

7. Если теоретическая разработка вопроса о главномъ устоѣ орѳографической системы (см. положеніе 2ое) должна быть дѣломъ высшей ученой инстанціи, то оцѣнка съ практической стороны какъ крупныхъ правилъ, такъ и массы мелочей, содержащихся въ Академическомъ руководствѣ, должна быть дѣломъ, и притомъ коллективнымъ, цѣлой коммиссіи изъ преподавателей русскаго языка (см. первыя три страницы этюда). Если члены этой коммиссіи всѣ, какъ одинъ человѣкъ, проникнутся искреннимъ и твердымъ желаніемъ sine ira et studio заняться рѣшеніемъ своей задачи, то въ концѣ концовъ ихъ трудъ долженъ увѣнчаться успѣхомъ, ибо «gutta cavat lapidem non vi, sed semper cadendo.»

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка.*	*Напечатано*	*Слѣдовало бы напечатать*
1	8 снизу	тезисовъ, которые	тезисовъ, которыя
1	4 снизу	распространенія	разпространенія
3	18 сверху	той же	тойже
3	13 снизу	мы, чернорабочіе,	мы, чернорабочія,
3	11 снизу	ученое	учоное
4	8 снизу	испытывается	изпытывается
4	7 снизу	четкости	чоткости
5	16 сверху	на тѣхъ же	на тѣхже
10	3 снизу	исхода	изхода
13	6 сверху	въ томъ же	въ томже
15	2 сверху	еще	ещо
23	5 сверху	при чемъ	при чомъ
23	15 сверху	ψονὴ	φωνὴ
32	16 сверху	въ учономъ мірѣ	въ учономъ мирѣ
32	6 снизу	азъ	Азъ
43	11 сверху	почетныя	почотныя
45	9 сверху	вспомнили	взпомнили
51	16 сверху	черезъ-чуръ	черезчуръ
53	3 сверху	насчетъ	насчотъ
56	17 сверху	родительные падежи	родительныя падежи
58	12 снизу	распоряженія	разпоряженія
82	9 сверху	нис, рас, вос, ис,	вос, ис, нис, рас
89	14 снизу	насажденіе:	насажденіе;
90	10 сверху	основательныхъ;	основательныхъ,

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
«.....» 193 г.

Цѣна 65 коп.